

ИЗ ИСТОРИЯТА НА БЪЛГАРСКАТА ВЪЗРОЖДЕНСКА ПОВЕСТ (ДОКТОР ВАСИЛ КАРАКОНОВСКИ И НЕГОВАТА ПОВЕСТ „СТОЯНОВА ПЕЩЕРА“)

ЛИЛЯНА МИНКОВА

В историята на Българското възраждане доктор Васил Караконовски е известен като деен участник в борбата за самостоятелна черква. В книгата си „Възраждане на българския народ“¹ проф. Петър Ников често се позовава на достоверните свидетелства на Караконовски за хода на тази борба и ролята, която са играли в нея турското правителство, цариградската патриаршия, европейската дипломация. Отбелязвани са заслугите на Караконовски като дългогодишен лекар и пропагандатор на медицинска просвета. Но още не са привличали вниманието неговите преводи и повестта му „Пещера Стояна“. Тази повест, написана на руски, не е била публикувана, и е останала в архива на историка Спиридон Палаузов².

Литературният принос на Караконовски е скромнен, но заслужава да бъде проучен внимателно, защото в него се проявяват характерни особености в развитието на оригиналната и преводната българска възрожденска белетристика.

Биографията на Караконовски още не е написана. Сведения за него (някои неточни), намираме в книгата на Михаил Неделчев „Ловеч и Ловчанско“³. Извори за живота и дейността на Караконовски не липсват. Почти не са използвани писмата му до Найден Геров, Спиридон Палаузов, Тодор Стоянов-Бурмов, Марин Дринов, Тодор Икономов, Драган Цанков и др. Не е оползотворен и богатият материал, който се съдържа в писмата на Караконовски до редица руски учени и общественици: Михаил Петрович Погодин, Нил Александрович Попов, Платон Львович Ваксел, Михаил Александрович Хитрово. Но тъй като разглеждаме тук литературната дейност на Караконовски, спирам се само на някои основни моменти от неговата биография.

Васил Костов Караконовски е роден в Ловеч през 1840 г. Основно образование получава в родния си град. После заминава за Белград, където през 1854—1858 г. е ученик в гимназията. В сръбската столица Караконовски е имал по всяка вероятност познати сред служителите в руското консулство. Те са му давали книги и списания, сигурно те са насърчили и желанието на младия българин да следва медицина в Русия.

От две бележки на Караконовски, изпратени в Москва до М. П. Погодин, разбираме, че младежът е пристигнал там почти без средства в края на 1858 г.⁴ Преживял месеци, изпълнени с лишения, но с помощта на Погодин и Безсонов получил стипендия от Московския

¹ Проф. д-р П. Ников. Възраждане на българския народ. Църковносоциални борби и постижения. С., 1971.

² Централный государственный исторический архив — Ленинград (по-нататък — ЦИАЛ), фонд 1015, оп. 1, дело № 42.

³ М. Неделчев. Ловеч и Ловчанско. Географско, историческо и културно описание. Книга IV. С., 1932, 209—214.

⁴ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина — Москва, фонд 231, папка 14, № 84, лл. 88—89.

славянски благотворителен комитет. От 1859 до 1865 г. Васил Караконовски е студент по медицина. След като се дипломира, той заминава за Цариград. Известно време е на частна практика, после на работа в руската болница, докато започне дългогодишната си служба като лекар в руското посолство. Сега Караконовски получава големи възможности да бъде полезен на своите съотечественици. Той е в течение на всички прояви на руската дипломация, свързани с българо-гръцката разпра. Полага много усилия, за да разяснява българското становище по църковния въпрос, да убеждава в правотата на българската кауза. Заслугите му в това отношение са неоспорими. Положението си в посолството Караконовски използва често и за да укрива там българи, да им съдейства за получаването на руски паспорт, да им урежда стипендии.

През 1872 г. Караконовски гостува в Солун на руския консул Н. Ф. Якубовски. Там се запознава със семейството на хаджи Иван Лазаров и се оженва за дъщеря му Мария. От нея има четири деца — три дъщери и един син. По време на Освободителната война (1877—1878 г.) Караконовски е на служба в Главната квартира при княз Черкасски. Работи и в канцеларията на руския посланик Нелидов. През 1878 г. е изпращан с дипломатически поръчения във Виена и Атина. По-късно се завръща в Цариград и става управител на руската болница, отново лекар при посолството. Умира на 10 март 1905 г.

* * *

Литературни интереси Васил Караконовски проявява много рано. Още като ученик в Ловеч той започва да превежда. В „Цариградски вестник“, бр. 189 от 1854 г., е публикуван „Разговор между един книжник и едно малко момче“ (Преведено от руски на български от г. Василия Костов Караконовский, ученик на господина учителя Янка Христов Дряновецат, в Ловеч, в Долнокрайското училище святаго Николая)⁵.

Като споменава учителя си, Караконовски му отдава заслужена дан на уважение. Янко Христов бил известен с образоваността си човек. При големия недостиг на български помагала, той често използвал руски книги. Сигурно е поощрявал учениците си да превеждат от тях.

Съвсем естествено е, че преводът издава неопитността на начинаещ. На много места той е буквален, тромав, не липсват и смислови грешки. Но прави впечатление уменството на Караконовски чрез къси изречения да предаде динамиката на диалога. Трудно може да се открие оригиналът на „Разговора“ в морето от морализаторско четиво в руските издания от XVIII—XIX в. Но е показателен изборът на нравоучителен диалог като разпространен до късно жанр както в преводната, така и в оригиналната литература на Българското възрождение. Диалози превеждат и пишат Неофит Бозвели, Йордан Константинов-Джинот, Г. С. Раковски. Широко място заема диалогът и в творчеството на Добри Войников. По-късно, макар вече с други функции, диалогичната форма е използвана в публицистиката на П. Р. Славейков и Любен Каравелов.

Превода на Караконовски можем да свържем с по-ранния период в разпространението на този жанр у нас. Направен е явно с оглед на необходимостта от по-разнообразен репертоар за училищните представления. „Разговорът“ излиза цели десет години преди „Училищното театро“ на Войников. Така възприема появата му Ст. Каракостов, така е разгледан и в сравнителната студия на Катя Йорданова за началното развитие на българския и сръбския театър и драма⁶.

През 1855г. в „Цариградски вестник“ се появява нов превод на Караконовски, навярно вече ученик в Белград. Озаглавен е „Кратки повести“ (преведени от руски на български)⁷. Това не са повести в съвременния смисъл на думата, а двалесет и пет кратки анекдота. Подборът

⁵ Цариградски вестник, IV, бр. 189, 4 септември 1854.

⁶ Ст. Каракостов. Българският театър. Среновековие. Ренесанс. Просвещение. (865—1859). С., 1972, с. 230. Вж. също: К. Йорданова. Някои общи моменти в началното развитие на сръбския и българския театър и драма, т. 61, 2, 1967; М. Брадистилова. Жанрови търсения във възрожденските диалози.—Литературна мисъл, 1982, кн. 3, 72—88.

⁷ Цариградски вестник, V, бр. 227, 4 юни 1855.

им не издава много добър вкус, преводът също не е постижение. Фактът е любопитен по-скоро като израз на желанието, проявено от редакторите и сътрудниците на някои цариградски български издания, да понесат не само нравоучително, но и развлекателно четиво.

По-голямо внимание заслужава следващата проява на Караконовски. В бр. 229 на „Цариградски вестник“ от 1855 г. той помества „Обърнат скъпец“ (Кратка повест. Преведена от руски на български от Васил Костов Караконовски)⁸.

„Обърнат скъпец“ има подчертано дидактичен характер, но в сравнение с първите преводи на Караконовски носи несъмнени художествени качества. Повестта разказва за багдадския търговец Карзан, прочут с богатството и със скъперничеството си. Докато бил беден, Карзан обичал хората, често им помагал. Но щом натъпкал сандъците си със злато, той прогонил състраданията от сърцето си. Както всички правоверни, и Карзан ходел редовно в джамията да се моли, но Аллах виждал, че вярата му е престорена. Една нощ търговецът сънувал страшен сън. Той летял сред пълен мрак в безбрежното небесно пространство и вътрешен глас му казвал, че така ще е вечно. Такова било наказанието на Аллах за равнодушие към хорската мъка. Когато се събудил, Карзан бил вече друг човек. Той събрал в дома си бедните от града, нагостил ги и им раздал пари. От този ден той станал отново добър човек.

Съветската изследователка О. Б. Кафанова е установила, че повестта е преведена на руски от Николай Михайлович Карамзин и е публикувана най-напред в бр. 9 на сп. „Московский Вестник“ от месец май 1802 г., с. 44—49 : „Обращенный скупец“ (Из английского журнала).⁹ Карамзин не е посочил откъде по-точно е взел повестта и дали в английския оригинал е било посочено името на нейния автор.

Когато проследява разпространението и развитието на руска почва на т. нар. „източна“ повест, В. Н. Кубачова убедително сочи, че „Обращенный скупец“ също принадлежи към този жанр. Един от най-характерните за френската литература на Просвещението, той прониква в Русия и изживява там своя разцвет в средата на XVIII в., но е все още твърде разпространен и в началото на следващото столетие. През XIX в. той се среща най-често във формата на наизидателна притча, каквато е и повестта, преведена от Карамзин.⁹

Българските преводачи от времето на Възраждането проявяват интерес към „източната“ повест най-вече в тази именно нейна разновидност — морализаторската притча. При това трябва да предположим, че що се отнася до българския читател, живеещ в непосредствена близост с бита и литературата на Изтока, той е възприемал ориенталския фон в „източната“ повест по-различно от западноевропейския и руския читател. За българина „източният“ колорит, използван като условен декор и често като средство за заобикаляне на цензурата, е бил нещо познато, реално и е допринасял по-скоро за възприемането на разказаното като достоверно.

Като проповед на състрадание към ближния „Обърнат скъпец“ е обичайна тема в българската възрожденска книжнина. Такива произведения читателят е срещал още в дамаскините. Ше посоча например един разказ, порицаващ сребролюбците, разпространен в сборници от XVIII в. Това е разказът за немилостивия кадия Петър. След смъртта си той горчиво се разкайва, че заради своето скъперничество е загубил рая. Петър пожелава от все сърце да започне нов живот. Господ го връща на земята и кадията става щедър към бедните¹⁰. Близостта на дамаскинарския разказ с „Обърнат скъпец“ е очевидна.

След превода на Карамзин Караконовски избира и една оригинална творба на този най-голям представител на руския сентиментализъм. Спира се на повестта „Сиера Морена“, публикувана за пръв път в алманах „Аглая“ през 1795 г.

⁸ Цариградски вестник, V, бр. 229, 18 юни 1855.

⁹ О. Б. Кафанова. Н. М. Карамзин-переводчик. Кандидатска дисертация, ч. II. Приложение. Томск, 1981, с. 49, № 233. Караконовски е могъл да вземе повестта и от някое от по-късните й издания, например от „Разные повести, переведенные Н. Карамзиным“, М, 1816 или от „Н. М. Карамзин. Повести“, т. VI, СПб., 1835. Вж. В. Н. Кубачова. Восточная повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века. XVIII век. Сборник 5. М.—Л., 1962.

¹⁰ Вж. Д. Петканова-Тотева. Дамаскините в българската литература. С., 1965, с. 125.

Работата върху „Сиера Морена“ е най-значителният факт в преводаческата дейност на Караконовски. Той я помества, без да посочи автора, в „Цариградски вестник“ през 1856 г.¹¹ За преводача е казано, че е „ученик в княжескокръбската гимназия“.

„Сиера Морена“ говори за еволюция в литературните вкусове на Караконовски. Първите му преводи сочат все още тясна привързаност към жанрове и теми с църковно-поучителен и школно-морализаторски характер. Сега той се насочва към произведение на голямата литература, при това творба, стояща на границата между сентиментализма и романтизма. Тази еволюция показва в областта на превода един от пътищата на ускореното развитие на българската възрожденска литература. Преводът на Караконовски обогатява съществено и представите ни за проникването на Карамзин в България. При това трябва да подчертаем, че Караконовски, както и Тодор Шишков, превел три години по-рано повестта на Карамзин „Остров Борнхолм“¹², не побългарява. Впрочем нито един от преводите на Караконовски не съдържа елементи на побългаряване — още един факт, свързан с установяването у нас на съвременни норми на преводаческа дейност.

В „Сиера Морена“ просветителят Карамзин внушава, че неовладяната страст е гибелна. Добродетелният човек не бива да ѝ се поддава, той трябва да остава верен на своя дълг. Дала клетва вечно да обича Алонзо, след мнимата му смърт Елвира отново се влюбва. Завърналият се Алонзо се пронизва с кинжал пред очите ѝ, когато тя застава пред олтара с друг. Елвира отива в манастир, а влюбеният в нея юноша (разказвачът), се скита цял живот неутошим по света.

Карамзин е сред първите големи майстори на руската художествена проза. Той широко въвежда в нея изразни средства на поезията, служи си със звукопис, използвайки алитерации, асонанси, инверсии. Като образец често се сочи началото на повестта „Сиера Морена“. В превода на Караконовски — и това едва ли е случайно — тъкмо началото липсва. Твърде вероятно е той да е почувствувал, че предаването му на български е за него непосилна задача. Караконовски продължава да бъде несигурен в руския език, в превода му на „Сиера Морена“ не липсват смислови грешки. Любопитно е, че на места „ученикът в княжескокръбската гимназия“ е давал два синонима за една превеждана дума. Изглежда, надявал се е, че редакторът ще избере по-подходящата. Въпреки всички слабости „Сиера Морена“ е крачка напред за преводача Караконовски. Усилията му да намери лексически и синтактически изразни средства, с които да предаде душевни състояния или да нарисува пейзаж, на места са увенчани с успех. Просветителска по морализаторската си насоченост, „Сиера Морена“ е същевременно едно от първите произведения на руския романтизъм. В душите на героите бушуват силни страсти, творбата е с мрачен общ колорит и трагичен финал.

Като преводач Караконовски изминава пътя от нравоучителния диалог до сентиментално-романтичната повест на Карамзин. Но съвсем закономерно е, че когато решава сам да вземе перото, той се насочва към жанрове, близки до първите му преводи. В бр. 363 на „Цариградски вестник“ от 1856 г. можем да прочетем: „Пчела. Катихизис за работниците“ и „Двамата ленивци“. „Съчинил Караконовский, ученик от четвъртият гимназиален разряд.“¹³ Под първото заглавие са изредени няколко сентенции от рода на: „Който дълго работи, дълго и живее“, „Докато можеш да работиш, ще си здрав, а здравето е най-скъпоценното благо.“ „Двамата ленивци“ е доста добре написано разказче за хитри мързеливци, които откраднали коня на заспал селянин, а после му го продали. Така преди да завърши гимназия осемнадесетгодишният Караконовски опитва и собствените си сили в съчиняването на нравоучителни четива. Изглежда, че след това, като студент в Москва, той изоставя литературните си занимания или поне резултатите им не са стигнали до нас. Но едва ли можем да се съмняваме, че и през тези години Караконовски много е чел.

¹¹ Цариградски вестник, VI, бр. 265, 266, 25 февруари и 3 март 1856.

¹² Остров Борнгольм. Превел Т. Н. Шишков. Цариградски вестник, IV, бр. 154, 157, 2—23 януари 1854.

¹³ Цариградски вестник, VIII, бр. 363, 26 януари 1858.

Тъмно годините, които Васил Караконовски прекарва в Русия (1858—1865), са времето, когато се заражда оригиналната българска повест. През 1859 г. в Москва излиза „Поездка в виноградник. (Отрывки из рассказов моей матери)“ на Васил Попович. През 1860 и 1864 г. се появяват Друмевите „Нещастна фамилия“ и „Ученик и благодетели“, а през 1865 г. „Изгубена Станка“ от Илия Блъсков. Пред очите на Караконовски поема писателското поприще Любен Каравелов. От 1860 до 1864 г. в различни руски списания излизат: „Войвода“, „Неда“, „Сирото семейство“, „Дончо“. Караконовски следи отблизо литературната дейност на московските българи. За това свидетелства например фактът, че през 1860 г. той изпраща на Найден Геров 35 броя от списание „Братски труд“¹⁴.

И ето че в Цариград, след като е живял там четири години и вече дейно участва в политическия живот, Васил Караконовски решава отново да си послужи със силата на художественото слово. Той пише повестта „Пещера Стояна“, пише я на руски, защото по примера на Каравелов и Попович иска да спечели руската общественост за активна намеса в решаването на българския въпрос. Каравелов е по това време в Сърбия и сега Караконовски иска да разкаже за новите страдания на съотечествениците си. Времето, прекарано в Цариград, е дало на лекаря-активен общественник и публицист пребогат материал.

На 17 август 1869 г. Караконовски пише на живеещия в Петербург български историк Спиридон Палаузов, че му е пратил една повест. С молба, ако реши, че тя представлява интерес, да поправи допуснатите от автора граматически грешки и да се постарее „Пещера Стояна“ да излезе в някое руско списание. Добавя още, че цариградските българи, на които чел произведението си, много го харесали. В следващите две писма Караконовски деликатно не напомня за повестта си, но на 2 декември 1869 г. отново моли Палаузов да я прочете в свободното си време. И пак подчертава, че... понеже в нея са описани страданията на българите, техния бит, тя може да се окаже интересна за русите“¹⁵.

Авторът неслучайно се обръща към Спиридон Палаузов. Както и други българи, той вижда в негово лице един от най-влиятелните свои съотечественици, живеещи в Русия. Не знаем дали Караконовски е познавал лично Палаузов още от времето на следването си в Москва. Но по време на пребиваването на историка в Цариград през 1867 г. двамата явно са се сближили. По-късната кореспонденция между цариградския лекар и петербургския медиевист свидетелства за общност в становищата и съвместни усилия в решаването на църковния въпрос.

Спиридон Палаузов е започнал да редактира, и то много старателно, „Пещера Стояна“ но не е отишъл по-далеч от първата страница. Защо не е продължил? Дали е показал повестта на руски литератори и те са решили, че ѝ липсват художествени достойнства? Или Палаузов, като опитен чиновник в Комитета по цензурата, сам е преценил, че острите нападки срещу фанариотите и сцените в харема правят невъзможно публикуването на повестта? Самият Караконовски също е предвиждал, че появата на „Пещера Стояна“ може да му навлече неприятности. Затова я е подписал с доста нескромния псевдоним Волф фон Фюрст. Не е изключено да се е отказал от издаването ѝ по съвет на Палаузов и по негово внушение, че псевдонимът е много наивен опит да скрие авторството си. А появата на повестта несъмнено би предизвикала недоволство у прякото началство на Караконовски, защото в нея липсва дори елементарен дипломатически такт.

Едва ли има смисъл да гадаем още за причините, поради които „Пещера Стояна“ не вижда бял свят. Отговор биха могли да ни дадат писмата на Спиридон Палаузов до автора, но те не са стигнали до нас. Що се отнася до Караконовски, както личи от по-нататъшната му кореспонденция с Палаузов, той явно не се е изживявал като непризнат автор и не е дал израз на обидата заради това, че произведението му е останало сред книгата на неговия съотечественик.

* * *

Много неща е искал да вмести Караконовски в единствената си повест. Стремил се е посланието му към руските читатели да бъде възможно по-пълно. В „Пещера Стояна“ нами-

¹⁴ Из архивата на Найден Геров, Книга I, С., БАН, 1911, с. 742.

¹⁵ ЦГИАЛ, фонд 1015, оп. 1, № 61.

раме описание на българския селски бит — облекло, храна, уредба на дома, обичаи и т. н. Вплетени са сведения за българската история : от езически времена до последни събития. Но за автора най-важното е било да покаже как непоносимо страдат българите под двойно иго и как се борят. Сюжетно „Пещера Стояна“ отразява двата основни аспекта на политическите борби на българите от края на 60-те години на XIX в. Авторът разказва за своеобразията на фанариотското духовенство. С подкрепата на властта то разорява българското население. Събраните пари отиват не за изграждането на храмове и заплати на свещеници-българи, а за безмерен разкош и разгулен живот. Всичко това Караконовски описва като човек врял и кипял в църковната борба. Своите позиции той е излагал неведнъж в писмата си и в своите кореспонденции до руски вестници. Навярно затова му е било особено трудно да преодолее публицистическия изказ тъкмо в онези пасажии от повестта, които са посветени на българогръцката църковна разпра. Те звучат на места като вестникарска дописка. Когато разказва за Стоян и неговата дружина, Караконовски има предвид засилилото се четническо движение, сраженията, водени от Панайот Хитов, Хаджи Димитър, Филип Тотю, Стефан Караджа. Личното му убеждение е, че не дипломатическите преговори, а руското и българското оръжие ще донесат свободата. Но хайдушките подвизи на своя герой Караконовски е впел много по-органично в повествованието. Премедията на Стоян и Божана са разгърнати с изразни средства, които при цялата си наивност са белетристични. В „Пещера Стояна“ авторът е вложил целия си опит на човек, опитен в литературните работи. Той явно е запознат с изискванията за развитие на фабулата и за композиция, усвоил е редица похвати, с които си служи, за да изгради образи, да нарисува пейзаж, да предизвика у читателя определена емоционална реакция и т. н.

„Пещера Стояна“ започва със сцена на жестоко насилие. Нещастията се сипят над Радино вече трета година, откакто в селото е идвал видинският митрополит. Той е наложил непосилен данък, наредил е да продадат имота на кмета. Сега заплетената повтарно нахлуват в неговия дом, заколват стопанина и жена му. Докато ги брани, синът им Стоян също убива.

Така още в началните редове е дадена мотивировката за принудителните странствувания на главните герои — Стоян и Божана. Разрушена е патриархалната идилгия, сред която те биха живели до края на дните си. Тази идилгия е контрастният фон, на който се разгръща повествованието. Спокойно и щастливо са живели всички в село Радино. Порутените хамбари и обори в двора на Стоян напомнят за доскорочно благополучие. Идилличен е животът на Божана в бащиния дом, идиллична — картината на народното веселие под сенките на вековните дъбове и т. н., и т. н. В европейската сантиментална повест идилгията рухва под напора на цивилизацията („Павел и Виргиния“ на Бернарден дьо Сенпьер) или поради намесата на хора от други съсловия („Бедная Лиза“ на Николай Карамзин). У Караконовски, както и у предшествениците му в българската възрожденска проза, тя е пометена от насилие.

В центъра на повестта са двамата главни герои Стоян и Божана. В сравнение с Дрмевата „Нещастна фамилия“ тук няма струпане на действащи лица, нито пък фабулата е излишно заплетена. Стоян и Божана възбуждат всички достойнства на българина и българката, които вече не търпят безропотно, а се борят. Тяхната външност, поведение, морал, чувство за човешко достойнство рязко ги противопоставят на потисниците. За да обрисуват главните си герои, Караконовски използва смесия от изобразителни средства. Облеклото им той описва с етнографски детайли. Божана носи бяла, богато везана риза, Стоян — бяло менте, черни потури и калпаче червен пояс. Но най-широко черпи Караконовски от арсенала на сантименталната литература. За Стоян казва : „... он был бледен, но зато очень интересен : черты его смуглого лица были неправильные и тонкие, но зато в них было много чувства и мысли ; его черные глаза искрились как огонь, когда он пристально глядел.“

От сантименталната литература идва и подчертаното внимание към изживяванията на героите, както и начинът, по който те им дават израз. Разбира се, в повестта изобилно се леят сълзи и авторът явно е положил усилия да внесе разнообразие при използването на този похват : „Слезы заблестали на ее длинных ресницах, как утренняя роса сверкает в мае на темных цветках фиалки.“ Плаче не само девойката, плаче и момъкът : „Я тебя люблю. . . — сказал он и наклонил свою голову к ее плечу. . . Я теперь только для тебя живу — едва он успел произнести и зарыдал как ребенок, чуть ли не в первый раз в своей жизни.“

Стоян и Божана се вълнуват от предчувствия, сънищата им са изпълнени с предсказания. Чести са и вътрешните монолози : „При этом свидании Божане казалось, что они последний раз видятся ; и сердце Стояна сжималось от этого предчувствия, но они боялись высказать друг другу это опасение.“ Божана още не знае, че любимият ѝ е в тъмница, но вече го сънува окован, чува го да я вика на помощ и понякога се пита : „Или он меня разлюбил? Нет, нет, не может быть! Скорее реки высохнут, этот лес почернеет от иея, звезды с неба спадут, но он любить меня будет.“

Похвати, идващи от сентиментализма, Караконовски използва най-често, когато разкрива вътрешния свят на героите. Но материалът, който той се стреми да претвори, го отвежда и към други изразни средства. Като правило на сентименталната проза са чужди картини на ужаси, тя отбягва трагичното и предпочита меланхоличната мекота. Затова и у Караконовски похватите, присъщи на сентиментализма, са свързани предимно с идиличното в повестта. Но за да предаде, да речем, физическите страдания на Стоян, той прибегва към изразни средства, заимствувани от т. нар. „литература на ужасите“. С нея можем да свържем описанията (с „технически“ подробности) на онези мъчения, на които са подлагани от векове българите, попаднали във видинския затвор. Също и на изтезанията, изтърпени от Стоян в цариградската тъмница : палачите горят петите му с нажежено желязо, плъхове ръфат цървулите му. Едва ли ще е пресилено да кажем, че в „Пещера Стояна“ се долавят отзвuci на т. нар. „готическа“ литература. Напълно възможно е да са му били познати в превод на руски романи на Ен Редклиф и Карол Луис. Към готическата литература насочва и описанието на пещерата в края на повестта.

Други моменти в „Пещера Стояна“ отвеждат към популярно-авантюрната литература, тъйде добре позната на българския възрожденски читател. Изцяло или в откъси на български излизат произведения на Йозеф Сю, Огюстен Скриб, Едмонд Абу, Фадей Булгарин и т. н. Този тип четиво се превежда и публикува предимно в Цариград. Що се отнася до повестта на Караконовски с популярно-авантюрните романи я свързват такива черти като честата промяна на мястото на действието. Стоян виждаме най-напред в родното му село, после в Балкана, във видинския и цариградския затвор ; преди да стигне до пещерата в Сливенския балкан, той прекосява отново голяма част от българските земи. Божана също изминава с войнишката дружина дълъг път от Радина до Цариград. От авантюрната литература идва и непрекъснатата намеса на случайностите, предизвикващи резки обрати в съдбата на героите. Стоян избягва от затвора, защото там избухва пожар ; тъкмо тогава наблизно се оказва Божана. Двамата млади вече са потеглили за родината си, но ги връщат в Цариград след злополучна среща с ловната дружина на султана. Може да добавим още преобличанията, внезапните раздели и срещи и т. н. С бързите промени в мястото на действието и намесата на случайността, както и с действения характер на Стоян и Божана е постигната динамичност в разгръщането на повествованието. „Пещера Стояна“ държи в напрежение, буди симпатии към главните герои, интерес към съдбата им. Ако не трябваше да мисли за цензурата, Караконовски би могъл да публикува „Пещера Стояна“ като подлистник в някой вестник и положително не биха му липсвали читатели.

Любопитна съставка на повестта е натурализмът. Най-ярко е проявен в описанието на гошавката у фанариотския духовник, в някои от сцените в харама. Те ни дават основание да кажем, че „Пещера Стояна“ е първата българска повест, в която така открито е застъпен еротичният момент. Нещо неприсъщо за толкова сдържаната в това отношение българска възрожденска белетристика. Но като проява на интерес към света зад решетките на харама повестта не е нещо ново за времето си. В нравите на отоманските владетели възрожденският българин е виждал още един аргумент срещу поробителя. Да споменем само двата превода на Христо Ботев, останали в ръкопис : на книгата на Мелек ханъм „Тридесет години в турските хареми“ и тази на Осман бей „Турците и техните жени — султанът и неговият харем“. А Караконовски е не само на цариградски българин, той се движи в среди, имащи достъп в двореца и добре осведомени за повече или по-малко скрития личен живот на султаните.

Твърдението, че Караконовски усърдно е търсил разнообразни изразни средства, можем да подкрепим и с някои наблюдения върху пейзажа в неговата повест. Функциите му са най-различни. Например композиционна. „Пещера Стояна“ започва с пролетен и завършва със зи-

мен пейзаж. Те обхващат повествованието като рамка — картина и временна. Пролетният пейзаж е съзвучен с бурните чувства на двамата млади, с изпълнената им с надежда любов. Някои елементи в този пейзаж имат и символично значение — черните соколи, лебнещи птиците, а по-високо в небето — гордо рещите се орли, търсещи място за гнездата си. Мрачен е зимният пейзаж, заобикалящ в края на повестта измъчения от премеждията Стоян, който напразно чака Божана в студената пещера.

Другаде пейзажът е даден като контраст на тежките бедствия, сполетели хората. Мрак се спуска над опустошеното село Радино и авторът пише: „Была чудная ночь: небо в звездах сверкало как лазурь с алмазами; полная луна разливала свои волшебные лучи в ущельях и долинах; всюду была мертвая тишина, как будто ничего не смело тревожить еще глубокой сон ночных духов.“

В повестта пейзажът звучи и като възхвала на хубостта на родната земя. По пътя от Видин до Цариград войнишката дружина прекосява българската земя и все по-красиви гледки се разкриват пред очите ѝ:

„Выйдя из грязных и душных улиц Видина, дружина наша очутилась между рядами холмов, покрытых виноградниками, она чувствовала себя как бы на воле, потому что конца не было смеху, веселым прибауткам, сказкам и басням. За виноградниками тянулись зеленые поля, усеянные хлебом; кругом синелись горы, покрытые лесами; между холмами и под горами тянулись города и села; всюду разносилось пение беззаботных птиц и жужжание трудолюбивых насекомых; вся эта благословенная страна пересекалась то быстро текущими реками, то едва заметно движущимися волнами больших рек.“

Още тук авторът противопоставя, макар и бегло, града на волната природа. С неприязнище нарисова той по-нататък картината на Цариград. У българина градът буди преди всичко исторически асоциации — за времето, когато някогашният Константинопол е бил обсаден от цар Симеон, за жертвите на Василий Българоубиеца. Човек на XIX в., Караконовски с горчивина коментира: „Ведь зло всегда больше помнится, чем добро, передается от поколений к поколениям и служит часто к непримиримой вражде между народами, связанными с одинаковыми интересами.“

Както и Каравелов в „Турски паша“, Караконовски сравнява пищия някога Константинопол с неприветливия Цариград:

„Въобще войники были грустными при виде бесконечных, но самых жалких жилищ, между которыми возвышались только мрачные мечети с своими высокими минаретами, доходившими почти до небес, до кое-где кипарисы, как зеленые пирамиды.“

Сравнението с „Турски паша“ се налага не само тук. Наистина като цяло, и най-вече с изразните си средства, „Пещера Стояна“ стои по-близо до повестите на Друмев и Блъсков, отколкото до тези на Каравелов. Но редица черти я сродяват и с т. нар. „московски“ повести на Каравелов и особено с „Турски паша“. Интересна е да речем близостта между двете героини — Божана и калутерката. И двете са решителни, смели, и двете се озовават в харем. В уста на героините си и двамата автори са вложили думи, които говорят за голяма политическа зрелост. Както в „Турски паша“, така и в „Пещера Стояна“ ясно личи предназначението им на своеобразно послание към руския читател. Разбира се, тук са се проявили и различията в идейните позиции на авторите. Каравелов се обръща към революционните сили в руското общество, Караконовски — преди всичко към официалните кръгове. Без да говорим за очебийните разлики в таланта, ще добавим още, че двамата следват различни образци. Каравелов — школата на руската и украинската народническа белетристика, на Гогол и Чернишевски, а Караконовски — на западноевропейския и руския сантиментализъм, на популярно-авантюрната литература.

„Пещера Стояна“ извиква неминуемо в съзнанието не само „Страници из книги страданий болгарского племени“, но и поемата на Петко Рачов Славейков „Изворът на Белоногата“. Повестта на Караконовски е написана три години преди отпечатването на Славейковата поема. Двама цариградски българи създават почти едновременно прозаически и поетически вариант на една тема, позната от народната песен. Тя възниква естествено у тях, цял живот противопоставяли ценностната система на българина на онази, която му е налагала една враждебна дей-

ствителност. Опазването на националното, та макар и с цената на живота, е издигнато както от Караконовски, така и от Славейков, във върховен, достоен за преклонение подвиг. Да се впускате в подробности съпоставки едва ли има смисъл поради несъизмеримостта на художествената стойност на двете произведения. Въпреки че високо цени фолклора и сам събира песни, Караконовски явно няма сетива за дълбоката му поетичност. При него връзката с фолклора се оказва някак механична, външна. В „Пещера Стояна“ героинята изпява от край до край песента „Стоян през гора минава“. Следва прозаичният ѝ превод на руски. Другаде е изредено за какво пеят и разказват слепците : за света Неделя и света Петка, за хайдутите и цар Иван Шишман. Младите пък пеят за Крали Марко и дядо Никола. Целият пасаж звучи като етнографско-политическа констатация. Докато у Славейков според много точно формулираното определение на Тончо Жечев „... високо развитото индивидуално съзнание на поета... е продуктивно в духа и формата на народното съзнание и въображение“¹⁶.

Колко са естествени думите, с които Гергана се обръща към везира :

Стамбул е, аго, за мене
тука, дето съм родена,
а най-хубави сараи —
там онзи моя бащин дом...

Каква смесица от публицистичен и сантиментален патос има в думите на Божана към султана :

„— Я твоя, ты мой властелин — дрожащим голосом произнесла она. — Мне нужны неприступные горы, дремучие леса, я только там счастлива : там живет тот несчастный народ, который твои слуги режут по кускам, жгут без сожаления, имущество, честь, святых ни за что не считают.“

Гергана казва простичко, но така дълбоко поетично :

Що ми са триста прозорци,
когато мога всякога
от едно само прозорче
да гледам деня слънцето
и вечер ясен месечка
с милион звезди около.

Колко приземен, „овеществен“ е аналогичният момент у Караконовски :

„— Вот!... — вынула Божана из-под подушки ящик с бриллиантами и всунула в руки султану. — Я люблю Стояна, другого любить не могу ; я христианка. . . — решительно сказала она и, поцеловавши свой крестик, надела его на шею.“

* * *

„Пещера Стояна“ не стига до руския читател. Караконовски не публикува повестта си и на български, тъй че тя не се включва в литературния процес. За нас тя е днес в известен смисъл само един архивен документ. И все пак опитът да я разгледаме в контекста на зараждащата се новобългарска проза води до интересни наблюдения. Наистина поставена редом с „Турски паша“ и особено с „Извора на Белоногата“, повестта на Васил Караконовски трудно издържа сравнението, въпреки че за времето си тя не е явление извънлитературно. От перспективата на повече от век за нас е ясно, че неговията художествена стойност на „Пещера Стояна“ се определя преди всичко от това, че на автора ѝ липсва значителен талант. Но също и от обстоятелството, че като взема за образец сантименталната и авантюриятата литература, той търсва по един път, който го приближава към част от тогавашната читателска публика, но е непродуктивен, непроспективен за развитието на оригиналната българска белетристика. Но нека кажем още веднъж — като факт, който се вписва органично в процеса на създаването на оригинал-

¹⁶ Т. Жечев. Българският Одисей и истината на неговото завръщане. — В : История и литература. С., 1982, с. 25.

ната и преводната белетристика на Българското възраждане, както повестта „Пещера Стояна“, така и цялостната литературна дейност на Васил Караконевски представлява несъмнен интерес за историята на българската възрожденска литература.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕЩЕРА СТОЯНА

1

В одной светелке с окошечком, выходящим на очень просторный двор, сидели за низеньким столиком старик, старушка и молодой человек. На столике перед каждым было по одному большому куску пресного хлеба, по головке лука, а посередине, на деревянном блюде, возвышались в виде холмиков кучи соли, красного перца и мяты. Все трое ели свой скудный обед молча и запивали его вином из бочонка.

Вдруг в наружную дверь дома раздался стук, сопровождаемый криками и угрозами. Только что старушка встала, чтобы отворить дверь, как заптие с дубиной в руках сильным ударом свалил с петель дверь светелки и ворвался в нее; дубиной замахнулся на старушку, ругая ее на чем свет стоит. „Подлая гяурка, отчего не отворяешь? Отчего не заплатила своей подати? Давай скорее браслеты, серьги, кольца!... Давай!“ — заскрежетав зубами, кричал громко турок и ударил несколько раз растерявшуюся старушку. „Спрятала всю посуду? Ничего не видно по полкам!“ — продолжал кричать сборщик податей и, сунувши под столик свою дубину, опрокинул его; заметил в одном углу, почти под потолком висевший, старинный и украшенный жемчугами образ, перед которым теплилась лампадка, той же самой дубиной свалил его на пол и нарочно ступил ногой на него.

Стоян, единственная подпора этой семьи, испытавшей столько горя на своем веку, не мог оставаться равнодушным. Когда турок наклонился, чтобы взять образ, Стоян бросился с остервенением на варвара, так бесчеловечно издававшегося над святыней этих бедных людей. Турок вынул из-за пояса свой ятаган и замахнулся на Стояна... Если бы последний не отнял ятагана, пропал бы навсегда. Турок потом воспользовался своим пистолетом и только что прицелился, как упал с глубоким вздохом, стараясь рукой закрыть зияющую рану и груди, из которой струилась алая кровь, как вино из крана бочки.

Как раз в эту минуту вошли в светелку еще два заптие и, увидев своего товарища в корчах, издающего на земляном полу, бросились на семью, как тигры на свою добычу. Стоян защищался ятаганом, а его родители, чтобы их ненаглядный сын не был умерщвлен, шли против ударов, так что служили как бы баррикадами и, защищая сына, сами пали под ударами. И Стоян был ранен, но и турки долго валялись на полу между трупами несчастных стариков, пока оправились.

Дом Стояна находился на лучшем месте в селе, на большом холме, откуда видно было все село, далеко простиравшееся за шумящей рекой, по горе, покрытой густым лесом. На большом дворе дома торчали полуразрушенные закуты для скота и амбары для хлеба, а в самых покоях по полкам только стояла земляная и деревянная посуда.

Это семейство было прежде в цветущем состоянии; оно владело землей и у него было все в довольстве. Три года тому назад из Видина осенью явился митрополит со своей многочисленной свитой для собирания дани. Владыка, вместо того, чтобы брать из произведений земли, явившись в село, в тот самый день собрал селян и требовал от них самим назначенную сумму денег. Селяне через отца Стояна, бывшего тогда кметом (старостой), объявил преосвященному, что они не в состоянии теперь ему заплатить всю требуемую сумму. Владыка рассердился на селян и всевозможными проклятиями, даже угрозами, старался получить требуемое, оставаясь в селе на счет селян целую неделю. Наконец, так как с владыкой были и заптие, он приказал продать все имущество кмета и, набивши себе карманы, уехал в соседнее село, проклятый народом.

Стоян долго стоял и смотрел на своих бедных родителей! Потом взял из-за пояса убитого турка оружие и, всунув за пазуху образ, он покинул родительский кров. Он пошел прямо в дом теперешнего кмета. Там ему сказали, что кмет отправился на сходку. Стоян побежал туда.

На улице скрипели арбы, нагроможденные медной посудой, образами и пестрыми платьями; около них толпился народ и с горестью смотрел на свое добро, которое целая ватага запятых отправляла для подати в город. Сколько тук слез было пролито девушками, раставшимися со своим праздничным нарядом! А бедными женщинами, которым не в чем было более сварить себе бобы!

Серый цвет земли, гор и лесов покрывался кое-где зеленью после суровой зимы; птички очнулись от холода под влиянием животворных лучей весеннего солнца; они порхали с какой-то радостью по кустам и как бы спорили между собой, отчего так долго не выдались; над селом кружились черные соколы и, завидевши на каком-нибудь дворе крошечных цыплят, с быстротой молнии спускались и когтями отнимали из-под крыл матери, а над дымившимся лесом гордо летали орлы, отыскивая удобное место для своих будущих поколений. . .

2

У опушки леса, на краю села, под яворами сидели старцы, а молодежь, опираясь на свои палки, что-то живо им твердила :

— Ничего больше не остается после этого варварского поступка, как только взяться за что попало и броситься на Видин — говорил огромного роста мужчина, задыхаясь от злости.

— В самом деле, все нас обирают : и турки, и греки. Зачем их терпим? Посмотрите как народ живет в Сербии! — сказал один молодой, но худой и желтый как воск мужчина.

— Где кмет? Отчего он не говорит? Отчего он не рассказывает, что делал в Видине? — спросил какой-то старик.

— Говори скорее! — закричало несколько голосов, подталкивая и выдвигая вперед пожилого человека с седыми волосами.

— Я был у паши и нашего консула (русского) — сказал слабым голосом, кашлянув несколько раз, кмет. — Вы знаете, что мы тогда собрали только сто тысяч piaстров, а наша подать 140 000. В Радино (так называлось село) считается пятьсот дворов, хотя нет и трехсот. Несмотря на все мои уверения, что несколько лет сряду у нас неурожай, что от набегов арнаутов и чистых передвижений войск мы совсем обеднели, турки слышать не хотят. Я больше ничего не просил, как только, чтобы нам дали срок до осени касательно уплаты остальных денег.

— За сорок тысяч piaстров нагрянула целая орда запятых, наделала нам столько зла и обобрала до ниточки. Этакое зверство едва ли бывало в других странах! — криком молодых заглушили дрожащий голос кмета.

— Помоги бог! — сказал взволнованным голосом Стоян, пришедши к месту сходки.

Старики встали на ноги, а молодые, обрадовавшись появлению Стояна, передвинулись и окружили его. Стоян возбуждал всегда в стариках своего села уважение за то, что он работал как раб, чтобы кормить своих несчастных родителей, а в молодых — любовь и расположение за благородство характера. Когда он появился, все замолкли, все смотрели на его печальное лицо, как грешник на образ угодника. Молодые с любопытством, а старики с уважением обратили внимание на его пояс, за которым были два пистолета и ятаган.

— Простите меня, мудрые старцы и вы, товарищи! — Я убил моих родителей и погубил вас! — сказал жалобным голосом Стоян.

Все были как громом поражены. Он им рассказал все. Старики ахнули, а молодежь заплясала еще больше от гнева : старики хорошо помнят месть турок.

— Теперь турки нас разорят до тла и всех перережут! — вскрикнули старики, потряхивая своими сединами.

— Так что же такое? Лучше умереть от рук палачей, чем умирать с голоду — сказал один человек, весь в лохмотьях, с палкой и мешком за спиной.

Сходка разошлась с горькими думами о будущем, а Стоян и его товарищи окружали дядю Ангела (так звали нищего, замолвившего слово, которое очень понравилось молодым). Селяне пошли прямо в дом Стояна, чтобы отдать последнее целование своим землякам, разделявшим вместе с ними столько лет житейское горе.

Около дома и на дворе у Стояна толпился народ. Старушки вымыли труп матери Стояна, а сарики — его отца и потом их одели в праздничные платья. На один и тот же одр положил оба мертвеца и их понесли на кладбище. Женщины плакали над мертвыми, рассказывая более страданий, нежели радостей из их земной жизни. Положили одр перед громадной скалой, которая была облеплена, как и одр, восковыми свечами. Один старик со слезами на глазах прочитал: Верую во единого бога... и Отче наш...; потом все подходили к мертвым и целовали у них руки. Тем и кончилось отпевание умерших.

Видинский митрополит, от досады, что радичане ему не заплатили три года тому назад требуемой суммы, не хотел ни за что им посвятить священника. Так что и крестины, и отпевания и венчания совершал все один и тот же, всегда плачущий старик. Церквей не было в Радино, потому что не позволяли строить, хотя некоторые развалины ясно доказывали, что они были.

Была чудная ночь: небо в звездах сверкало как лазурь с алмазами; полная луна разливала свои волшебные лучи в ущельях и долинах; всюду была мертвая тишина, как будто ничего не смело тревожить еще глубокий сон ночных духов. Среди этой торжественной тишины раздавались только тяжелые шаги десяти людей, которые то поднимались на высокие горы, то углублялись в глубокие долины, то останавливались, едва переводя горячее дыхание, и заглядывали пристально вперед, то шепотом заговаривали между собой.

— Послушайте, товарищи! Селяне умрут с голоду, если мы не отнимем их добра. Неужели нас мать родила для того только, чтобы страдать? — сказал Стоян, остановившись на вершине горы, чтобы свободнее вздохнуть.

— Собрали и образа, не на что более богу молиться — подсказал Ангел.

— Перебьем заптие и отнимем... — кричали другие.

— Чу! — скрип колес... тут внизу... — сказал Ангел, идя к краю горы и вглядываясь, не увидит ли внизу в долине, через которую извивалась как лента дорога, арбы.

— Ага! Догнали их наконец! — вскрикнули все в один голос.

— Тихонько! — предупреждал Ангел, спускаясь с горы между тернистыми кустами, подпрыгивая палкой, боясь подскользнуться и упасть на арбы.

Усталые быки едва тащили арбы, наполненные всякого рода посудой и другими вещами; на верху их дремали, сидя в своих спанчах, заптие, а трое шли позади арбы, куя трубки, разговаривали между собой. Кроме неприятного скрипа колес, вероятно в этот день не смазанных легтем, раздавались еще и голоса арабаджи, которые кричали на своих быков и толькали их палками. Стоян со своими товарищами незаметно спустились с горы, но, не доходя до дороги, шли почти с арбами, скрываясь за кустами и большими камнями.

— Ты ошибаешься, Осман, говоря, что гяуры — трусы, как бараны. Они трудно берутся за оружие, потому что его у них нет, но когда возмущаться за него... Я ведь 10 лет заптие. Сколько раз нам приходилось на планинах (горах) драться с гайдуками! Они злые как львы — ух! Как метко попадают пулей в грудь. Не дай только аллах, чтобы они восстали — сказал один заптие и посмотрел на показывающуюся из-за горы луну.

— Не дай Могамет! Мы все пропадем — сказал третий, глубоко вздохнувши, и начал бормотать какую-то молитву. Вдруг первая арба остановилась, а за ней остальные ударились одна о другую; при этом дремавшие заптие очнулись от тряски и посмотрели друг на друга с испугом. Дорогу пробежал с ягненка величиной пестрый заяц, испугавшись пробравшихся между кустами. Вмиг было тут решено наброситься, потому что могло все открыться. Стоян и Ангел выстрелили в заптие, разговаривавших позади арб; потом выскочили на дорогу, где произошло отчаянная борьба. В четверть часа было все кончено. Два заптие были убиты на месте; несколько спаслось бегством, а двум, раненным в доме Стояна и говорившему в пользу гяур, жизнь была пощажена. Этим трем были завязаны глаза, а руки закручены назад. Ангел и Стоян их проводили далеко от места происшествя. Арбы же с имуществом были возвращены в Радино селянам.

В городе Видин, окруженном со всех сторон неприступной крепостью, в одном старинном доме, в большой комнате, из окошек которой был виден Дунай, посреди его остров, обросший плакучими ивами, вздвигаясь вперед по комнате ходил сановник в шелковой красной рясе. Он то подходил к шкапу, брал стеклянку, наливал на руку какую-то жидкость и тер лицо, которое делалось еще интереснее, бледнее; то смотрел свои выразительные черты лица в старинное венецианское зеркало и улыбался самодовольно. Гибкий, как у пятнадцатилетней девушки, стан этого сановника опоясывал толстый зеленый пояс, а черная как смоль коса, заплетенная в одну косичку, торчала сзади. Он делал соседнему дому какие-то знаки, когда слуги прибежали один за другим наверх и доложили о приезде гостей.

Сановник встретил с распростертыми объяснениями у самых ворот толстого средних лет человека с его свитой, состоящей из бинбашы, каймакама, каких-то еще трех турок и одного армянина. Как только сановник усадил покойно своих дорогих гостей, моргнув глазом тут стоящим слугам, тотчас были принесены предлинные трубки и поднос с графинчиком. Хозяин сам, своей желтой, как у мертвеца, рукой, налил в чашечку водки и подал паше; потом другим, себе, а наконец дошло до того, что сам паша, снявши с себя сюртук, сначала конфузясь, держал за руку сановника и прыгал. Под влиянием ли этого нектара или по привычке, каждый воображал себя в могаметовом раю, потому что обнимали друг друга; иногда даже украдкой целовали слуг, подносивших кое-что.

Около полуночи слуги поставили посреди комнаты, окруженной диванами, низкой стол, около которого уселись гости, наклоняя тяжелую голову то вперед, то в бок. Люди клали на стол блюда с яствами, а гости черпали руками, потому что не было возможно поднести что-нибудь ко рту ложкой или вилкой: все изливалось на колени или попадало в нос и глаза. Весь разговор этих подкутивших чиновников касался каких-то молодых... не женщин... кажется другого рода людей... Паша после частых и громких отрывков встал, чтобы выйти из комнаты, но упал у дверей, облив себя неизвестно откуда помоями; за ним пошел сановник, но его постигла та же самая участь.

На другой день вчерашний сановник посетил своего друга пашу, который лежал с облепленной листьями кислой капусты большой головой у себя в приемной на диване, а толстое ватное одеяло покрывало его уродливое тело.

— Эвала, деспот эфенди!... У меня очень тяжелая голова; не могу совсем ее поднять. Ах, да, вы вероятно слышали, что произошло в Радино? Вы были совершенно правы, когда мне говорили, что там живет самый негодный народ. Право, не знаю что теперь делать — кончил паша, ахнувши от боли в голове.

— Да, слышал — едва произнес гость, который еще ничего не знал; он просто врал... В этой стране живут болгары; они трусы до невероятности...

— Однако на деле выходит не так — перебил паша. Они убили заплте недавно мной посланных по вашему совету, а многочисленная шайка гайдуков отняла добро, собранное за недомки — кончил паша, посмотрев недоверчиво на своего гостя.

— Чтобы избавиться от этого народа, как говорил и прежде, надо его совсем уничтожить — ответил гость, обрадовавшись, что он опять мог высказать эту идею.

Действительно, эта глубокая идея серьезно заняла большую голову пашы; он больше ничего не говорил гостю, а только моргал красными глазами и держал руку на голове. Гость, понявши, что он лишний, что с собакой другом быть нельзя, оставил пашу, пожелав ему скорейшее исцеление.

Говорят, что болгары трусы... Не может быть, чтобы и деспот был так убежден; он, как кажется, хочет, чтобы заварилась каша и потом заставит меня ее есть, — он ведь урум (грек-фанариот)... Как делать в этом случае? Послать войска и занять все эти села — опасно: там очень близко Сербия... весна — леса и роши густеют... При выезде моем из Стамбула хорошо помню наставления визирия... „Как можно реже употреблять войска в дело; чаще действовать тайными путями, даже отравой и буйством, чтобы уничтожить всякое движение еще в начале; обещать многое, но ничего такого не делать, которое бы способствовало к

развитию ; помогать и народу против фанариотов и последних поддерживать ; покровительство-
вать религиозным пропагандам, чтобы они могли разъединить народ своими вероучениями.
Вот его слова. Пойми теперь, как поступать с проснувшимся народом — рассуждал сам с
собою генерал-губернатор после вчерашнего пира у знакомого уже нам видянского митрополита.

В каждом селе холостые, молодые люди имеют своих суженых. Они любят их по-своему
ухаживают за ними иногда несколько лет, пока женятся; по полям работают вместе, на си-
делках она прядет, а он любезничает с ней ; каждая дает букет цветов своему и проч. Тоже
самое было и в Радино. Только Стоян не имел своей суженой, несмотря на то, что многие девуш-
ки были влюблены в него. Когда дело доходило до объяснения в любви, Стоян убегал, а иногда
прямо наотрез отказывал. Так что девушки предполагали бог весть что, а другие прямо го-
ворили, что Стоян влюблен в какую-нибудь самовилу или русалку.

В одно воскресенье вся молодежь Радино пошла плясать под яворами, где бывали сходка,
а Стоян скорыми шагами направился к лесу. Он давно не видался с своей самовилой. По-
сле смерти своих родителей пропустил два праздника. Он прежде проходил через лес посвисты-
вая, а теперь шел грустным и печальным. Он до такой степени был занят своими думами, что
не обращал никакого внимания ни на черепах, попадавшихся ему под ноги, ни на огромную
змею, свернувшуюся в круг и гревшуюся на солнце. Прежде он шагал легко и слушал,
не раздастся ли из-за густых лип приятный его сердцу голос, а теперь ломал случая и за-
девал кусты : он шел как бы без цели. Хотя тоненький голос девушки давно раздавался в са-
мой густой чаще леса, Стоян очнулся только тогда, когда самовила схватила его за руку и
повела в чащу. Самовила посадила Стояна возле себя и долго глядела в его задумчивые глаза.

— Что с тобой? — спросила она с небольшим гневом, — не болен ли ты? Ты стал
бледен как полотно в эти две недели — сказала она с участием, глядя его руку у себя на коленях.
Он вздрогнул.

— Я тебя люблю! Ты у меня одна осталась, Божана — сказал он и наклонил свою голову
к ее плечу. Если бы тебя не было. . . Я теперь только для тебя живу — едва он успел про-
изнести и зарыдал как ребенок, чуть ли не в первый раз в своей жизни.

Все упреки и заклинания, заранее приготовленные Божаной, исчезли как тень. Она те-
перь ловила всякое движение глаз Стояна, слушала всякий замирающий звук его голоса. Они
все говорили и не могли наговориться, точно так соловьи вечерней порой поют и не могут насла-
диться. Они сидели в самой густой чаще, куда лучи солнца никогда не заглядывают.

Божана была красива действительно, как самовила : черное платье без рукавов обхваты-
вало ее легкий стан, белая рубашка, вышитая по краям шелком и бисером разных цветов,
дополняла ее наряд, роскошные русые волосы и большие серые глаза придавали ей еще больше
красоты и выражения. Она в эту минуту сидела на дерне против Стояна и впиалась в его
глаза. Он держал ее за руку и говорил ей сладкие речи; он был бледен, но зато очень ин-
тересен : черты его смуглого лица были неправильные и не тонкие, но зато было в них много
чувства и мысли ; его черные глаза искрились как огонь, когда он пристально глядел. На
нем был белый кафтан, красный пояс и черные шаровары, а маленькая черная шапочка была
надета набекрень на его вьющиеся волосы.

— Прощай! — сказала наконец Божана и, сняв с своей головы букет весенних цветов, за-
тукнула Стояну за шапку. — Знай, что я тебя люблю. Теперь еще больше люблю, когда ты
остался сиротой! — Сжала ему крепку руку и исчезнула в лесу, как серна.

При этом свидании Божане казалось, что они последний раз видятся ; и сердце Стояна
сжималось от этого предчувствия, но они боялись высказать друг другу это опасение.

Через несколько дней приехал в Радино чиновник (грек, принявший веру мусульманскую)
с множеством запяте. Пытая соседей Стояна, он узнал, что Стоян утром до зари уходит на
целый день, а вечером поздно возвращается домой.

В одну темную ночь, когда небо было обложено густыми облаками, между которы-
ми кое-где, как би не смея, выглядывали звездочки и вдали раздавались глухие раскаты

грома, Стоян, едва ступая, шел домой, неся осторожно тяжелую, пошу на спине. Он взмох наконец к себе в избу, засветил хворост и тут же сел на треножный стул, опирая на руку лицо, обросшее в последнее время бородой. Просидевши в таком положении четверть часа, Стоян вынул из-за пояса тяжелое оружие и растворил мешок, из которого даже к удивлению огня, который мгновенно потух от сгоревшего хвороста, он вытащил за бороды две бритые головы с полукрытыми, мутными глазами. На бледной коже этих турецких голов пестрели кое-где запекшиеся струйки алой крови, как коралл на белой щеке красавицы. При этом Стоян улыбулся, осклабив свои белые, как снег, зубы; но не мог долго уголять свою кипевшую злобу, смотря на свои жертвы, потому что спрятанные запястья на дворе и соломенной крыше вдруг нагнули в переднюю. Стоян выстрелил два раза и долго в темноте отбивался ятаганом. Потом, чтобы не быть взятым врасплох, запер дверь на ключ и заткнул окошечки, выходившие на двор, но когда побегал, чтобы поднять упавшие головы, с окошечка, находившегося против двери с крыши через трубу запястья выстрелил и ранил Стояна.

Через три дня Стоян был отправлен в Вилин, так же как и кмет села с десятью старцами, но только по другой дороге. Стояна привязали к хвосту лошади чиновника и был его звали кнутом во всю дорогу, чтобы шел скорее.

В Вилине под землей, в огромной яме, кругом которой были железные шкапы, заключили Стояна и остальных селян; Стояна всунули в шкаф, в котором едва может поместиться человек стоя; кмета тиснули между двумя досками, а остальных выпрямили у толстого столба и обмотали с головы до ног тяжелой цепью. В этой тюрьме был страшный смрад от гниющих трупов. В нее сажали во все времена политических преступников и там их оставляли без пищи на произвол судьбы. В этой ужасной тюрьме сгнили живьем и князя, храбро дравшиеся за свободу народа, потом заманенные пашами в Вилин для получения прав, и многие духовные, несмотря на все пытки защищавшие и словом, и делом веру христианскую, и учителя, дерзнувшие в последнее время учить молодежь на родном языке, и гайдуки, державшиеся долгое время в неприступных горах: одним словом, здесь погибло самое благородное, самое святое для Болгарии.

Народ Вилинского округа знал, что если кто-нибудь попал в эту яму, погибал на шестой или седьмой день, поэтому поспешил хлопать о своих земляках. Папа и митрополит знать не хотели, а консул сказал, что Россия теперь не имеет права вмешиваться в дела Турции. Каймакам наконец согласился за 10 000 piaстр, чтобы несчастные спаслись бегством. Селяне пошли собирать по подписке требуемую сумму; зашли и к консулу, который обещал написать об этом в Питер, сказав, что без разрешения начальства ничего не может дать. Пока сумма собиралась, старцы померли, а Стояна, на четвертый день по приезде, послали по требованию Порты в Царьград.

5.

Прошли дни, прошли ночи, горы и поля давно оделись роскошной зеленью, леса и роши покрылись изумрудными листочками, долины и ущелья уже были усеяны лепестками падающих цветов, все живущее проснулось и устелилось. . . Божана несколько дней сряду в лесу слушала песни соловья и в грусти сама их повторяла. Она обходила чащу леса, где встречалась с Стояном и прислушивалась к каждому шесту листа: заяц ли пробежал, неся соломинку для своего жилища, черепаха ли тащилась и шумела, змея ли пролагала себе путь между сучьями, Божана выбегала к ним, но все напрасно. Ее богатая коса от беготни расплеталась и задевала за гибкие ветви деревцев, грудь ее высоко подымалась от волнения, щеки горели румянцем, глаза пылали страстью, но предмет ее был далеко, там, у синего моря, там, где такой красоты как Божана, не видело еще ни одно султанское око.

Услышавши почти над своей головой крик сороки, Божана остановилась и стала говорить сама с собой: „Едва засыпаю после полуночи, видится мне Стоян с цепями на ногах и умоляющим голосом зовет меня; протираю руки, чтобы помочь ему и просыпаюсь, как будто ничего не было. Засыпаю снова, слышу выстрелы, стук ятаганов, стоны людей. . . Где же он? Изменившая ли рука турка сразила его, когда он, работая в поле, уставши от полуденного зноя, сел

отдохнуть под орешником у источника и заснул? Или он меня разлюбил? Нет, нет, не может быть! Скорее реки высохнут, этот лес почернеет от инея, звезды с неба спадут, но он любить меня будет. "Слезы заблестали на ее длинных ресницах, как утренняя роса сверкает в мае на темных цветках фиалки. Она покачала головой, глядя на Радино, потом бросилась бежать сколько мочи было. Она желала видеть Стояна, хотя, бы разверзалась земля и проглотила все. Она, единственная дочь у отца, бросила овдовелого старика и домик, и сад, и цветы, которые она сама поливала.

В Радино те девушки, которые посмеивались над странностями Стояна, после того как его взяли, полюбили всем сердцем и душой; только о нем мечтали, говорили и его представляли в пример своим обожателям. Гуляли ли они в лунную ночь, всякий предмет представлял им Стояна, то окровавленного, то с ятаганом в руках и сияющего победой над врагом. Старики и старушки вздыхали и крестились, а молодежь злобой пылала против турок, когда кто-нибудь заговаривал о судьбе несчастного Стояна.

Когда солнце вполночь скрылось за соседними горами, так что вершина леса была обшита пурпуровым светом, радичане спешили со всех концов своего села к месту сходки. Вот о чем толковали :

— Поскорее нам надо выставить войников ! Сегодня объявили во всем округе об этом. С нас требуют теперь больше людей, чем давали прежде — кончил кмет Радино, глубоко вздохнувши, как будто у него было что-то очень тяжелое на сердце.

— Столько зла нам наделали, а еще давай людей для работ султана — произнесло гневно несколько людей.

— Поспешите, братцы ! Авось избежим кары паши — сказал опять кмет.

— Несмотря на все моления кмета, никто не хотел идти в войники ; несмотря на все его уверения, что если дадут скорее войников может быть спасут народ от разорения — никто и слышать не хотел.

— Послушайте, дедушка, я готов идти в войники от вашего села — промолвил один юноша, на которого до сих пор никто не обращал внимания.

— Вот, видите ли, чужой человек готов идти, чтобы только спасти наше село — подхватил жалобно кмет.

Решительный поступок юноши много помог кмету: нашлось еще тринадцать охотников.

Войники собрались в воскресенье у скалы и, после молитвы, выпивши по стакану вина, прощались почти с целым селом : молодые целовали руки у старых, а последние их целовали в лоб; женатые целовались с женами своими, а холостые с своими избранными, которые дали своим обожателям букет цветов в знак любви и памяти. У каждого войника на плече острая коса, на которой висели мешок с хлебом и сыром, и верхнее платье; за красным поясом у одних кавалы (вроде флейты), а у других волынки. Один из войников заиграл на волынке, а известный нам юноша затянул грустную песню и пустились в путь. Жужжание волынки и песнь юноши отозвались очень грустно в сердцах радичан после печальных событий.

Войники из Радино, соединившись с войниками других сел, отправились в Видин. Там посреди базара, окруженного деревянными лавками, под акациями было вбито турецкое знамя, под которым собрались все. Выбравши между собой одного воеводу, который и прежде бывал войником и говорил несколько по-турецки, с знаменем в руках, воевода пошел вперед, за ним войники, играющие какую-то песнь на волынках, потом шли толпой все остальные с косами, как ружья на плечах. Все были одеты в чистых платьях : живущие в гористых странах отличались черными или серыми одеяниями и живостью движений и подвижностью характера ; в равнинах — белыми костюмами и вообще вялостью.

Выйдя из грязных и душных улиц Видина, дружина наша очутилась между рядами холмов, покрытых виноградниками ; она чувствовала себя как бы на воле, потому что конца не было смеху, веселым прибауткам, сказкам и басням. За виноградниками тянулись зеленые поля, усеянные хлебом ; кругом синелись горы, покрытые лесами ; между холмами и под горами тянулись города и села ; всюду разносилось пение беззаботных птиц и жужжание трудолюбивых насекомых ; вся эта благословенная страна пересекалась то быстро текущими речками, то едва заметно движущимися волнами больших рек.

Приближалась ли наша дружина к городу или селу, волюнки жужжали, кавалы пищали ; удалялась ли от них, игры заменялись юнашкими песнями; останавливалась ли в горах у пенящихся водопадов, устраивались пляски и хороводы. Ведь в равнинах свободы нет — там притеснение, произвол, алчность, а она только там, где горы гордо возвышаются, где соколы и орлы легко летают, где гайдуки отдыхают после кровавой победы. . .

6.

Только что бледная полоса зари показалась на Востоке, войники, переночевавшие вблизи одного городка, проснулись и поздравляли друг друга с первым маем. Все катались по траве, хохоча и умывая руки и лицо росой. Еще видно было издали, как мало и велико валило из городка и делало то же самое. Это делалось с тем, чтобы быть счастливым и здоровым целый год.

Когда горы облились пурпуром от восходящего солнца, под ними на другую гору спешил, со всех сторон народ. У подошвы ее показались три старца навстречу войникам. „Добра сретша, войници!“ — кланяясь, сказали старцы:— Приходите отдохнуть, покутить и повеселиться с нами.“ Войники, смешавшись с остальным народом, пошли к оброку.

Место, где бывает народное празднество, называется оброком. Судя по преданиям, на этой горе с незапамятных времен стоял идол, к которому народ стекался со всех сторон для жертвоприношения, поклонения и ожидая исцеления. По принятии христианства, идол был свержен в реку в том месте, где теперь находится опасный водоворот.

На широкой вершине горы, под тенью дубов громадной толщины, был поставлен из дикого камня крест, весь убранный полевыми цветами. Кругом него были расставлены жареные ягнята, бочонки с вином, ведра с свежим молоком, цедилки с пресным сыром и большие калачи. Тут толпились старушки, держа в руках восковые свечи и фимиам; молодые женщины кормили грудью своих ребят, а девушки весело разговаривали с молодыми людьми. Тут было и множество больных для исцеления, и нищих, слепых и хромых с своими гуслями. Все молча ждало с нетерпением мчавшегося на коне под горой священника, который, как только взошел на гору, было зажжено много свечей и закурился фимиам. Старик священник, прочитав молитву, благословил трапезы и отрезал по куску от всего для себя, потом уехал в городок, чтобы освящать с архиереем новую церковь.

Народ уселся и ел, загудели гусли, запели унылым голосом слепцы песни о святых Недели и Петке, о гайдуках, о царе Шишмане ; молодежь плясала и крутилась под жужжаньем волюнок. Вся эта пестрая толпа беззаботно двигалась, веселилась, забывая свое горе только в такой день.

Молодежь, уставши от плясок и игр, уселась отдельными группами и занялась сказками о Крелевиче Марке, о дяде Николе (императоре Николае) и о тех временах, когда не было ни одного врага в Болгарии. Тут пришла мысль нашему воеводе занять тоже, с своей стороны, народ, поэтому искал глазами в толпе юношу. Заметивши его одиноким на краю горы над пропастью, через которую протекала быстрая речка, подошел к нему.

— Что же ты не веселишься, Богдан? — Пойдем! . . . Спой нам песенку — сказал войвода и взял юношу, глядевшего задумчиво вдаль, за руку и повел его к народу, так что все обратили внимание на Богдана.

Этот красивый юноша, похожий на девушку, судя по общему мнению, должен был исполнить желание толпы. Вот что он пел :

Стоян през гора минува
И с гората ся прощава :
„Прощавай, горо зелена,
И ти, водице студена !
Много съм из тебе походил,
Зелен съм байрак развявал
С триста души юнаци,

Юнаци, се майчини сираши ;
Много съм разплакал,
Много съм вдовици оставил
И много годеници разделил.“
Гората не беше продумала,
Че на Стоян продума :
„Прост да си ти, Стояне, от меня.

Ама от бога, Стояне, да не си,
Че ми тревата изгази
И ми шумата изгори.“
Щом си гората продума,
Среща му идат сеймени,
Сеймени до триста пандури,
Па си на Стояна думаха :
„Дех, гиди, Стоян воевода!
Девет години как ходим
По тази Стара планина,
Се тебе, Стояне, да търсим,
Едвам тя сега намерихме.“
А Стоян им ся молеши :
„Простете меня, сеймени!
Че мя е мама годила
За русокосо сливнянче
И сега ще мя ожени.“

Сеймени Стояну думаха :
„И ние ще тя, Стояне, оженим
За тази Стара планина :
Елхите ще ти са сватове,
Старите букове — кумове,
А калина-топола — булката.“
Та па са Стоян разсарди,
Че си сабята погледна
Дали ли е скоро точена,
Че си сабята потегли,
Ми ся е кръстом прикръстил,
Три пъти ми ся развъртял
Туку ми един останал
И нему очите му извърте,
Па го пусна да ходи,
Да ходи, та па да приказова,
Че има юнак над юнака.

(Народная песня)

Перевод песни :

Стоян по горе ходил и с ней прощался : „Прощай, гора зеленая и ты, водица холодная!
Много я по тебе ходил и зеленое знамя развевал с тремьятами юнаков-сирот ; многих я матерей заставил рыдать, многих оставил вдовами и многих невест разделил с женихами.
Гора никогда не говорила, но Стояну промолвила : Я тебя прощаю, Стоян, но бог не прощает, потому что ты истоптал мою траву и листву изжег.“ Как только гора кончила говорить, как навстречу пришло до 300 заптие, которые Стояну сказали : „Гей ты, Стоян воевода! Деять лет ты скитаешься по этой Старой планине (Балкану), тебя ищем и наконец нашли.“ А Стоян их умолял : „Простите меня, заптие! Мать моя помолвила меня за сливнянку с русой косой и скоро женит меня.“ Заптие Стояну отвечал : „И мы тебя, Стоян, женим на этой Старой планине : сосны будут твои сваты, стары буки — кумы, а калина-тополь — молодец! !! Стоян рассердился, посмотрел на свою саблю, недавно ли она точена ; вынувши ее, перекрестился и три раза развертелся — один только заптие остался и ему Стоян глаза выколол, и пустил его скитаться и рассказывать, что есть юнак над юнаком.“

Когда Богдан начал петь, до такой степени были все изумлены его приятным голосом, но вместе с тем и грустным, что всякий остановился на своем месте, не смел двинуться, чтобы не пропустить ни одного слова, ни одного звука. Все ожидали с трепетом, что турки покончат с Стояном, но когда Богдан пропел, как бы сам торжествуя, те слова : „... три раза развертелся — один только заптие остался. . .“ — у многих покатались слезы по щекам.

После окончания песни, девушки обсыпали Богдана букетами, приготовленными для их обожателей, и долго смотрели испытующим взглядом на Богдана!

Войники пробирались по узкой дорожке, ведущей через Балканские горы; направо и налево углублялись пропасти, на дне которых пенялась как кристалл прозрачная вода, падая с неимоверной быстротой со снежных верших гор ; журчали ручьи, таща вниз камушки разннх цветов. . . Пешеходы и конники спешили со всех сторон пройти эти опасные места. Навстречу нашим войникам спускался, спотыкаясь у пней, вереницей караван с козлами, за ним, шагом, всадник, весь забрызганный грязью, хозяин товара, имея спереди на турецком седле два пистолета. Немного дальше, в тени под деревьями отдыхала толпа работников, идущих издалека, судя по усталым лицам. Все они отправлялись в Сербию, Австрию и Валахию для того, чтобы усиленными трудами заработать что-нибудь и накормить жену и голодных детей, и заплатить туркам тяжелую подать. Пройдя довольно направо, влево раздался один за другим два выстрела. . . На противоположной стороне гор мелькнули три торговца, из которых один в момент полетел с раненой в ногу лошадьо в темную пропасть. Шайка разбойников-турок стреляла из засады в торговцев; эти же, слезши с лошадей и заслоняясь ими, отвечали тоже из ружей.

Один день была такая жара, что не было возможности двигаться дальше, поэтому войники остановились у одного источника отдохнуть. Почти все Храпели, исключая Богдана, который полулежал на холмике под источником, смотрел на чудную картину: вдали над горой виден был город, через который протекала река, усеянная по крутым берегам кустами сирени; на самой горе торчали развалины некогда бывшей крепости, а на ее уступах видны были виноградники, хижинки. . . К источнику прискакали верхом четыре турка: старик-бег с тремя своими сеизами отправлялся на свой чифлик. Бег, слезши с лошади, стал у источника мыть лицо, за ушами, руки, ноги и искоса поглядывал на неподвижного Богдана, который так был занят своим мыслями. Бег, кончив мытье, пошел к Богдану и сказал ему: „Встань, гяур!“ Бег собирался совершать свою полуденную молитву на том месте, где лежал Богдан. Турок, задрожав от злости, ногой только что дотронулся до плеча Богдана, как одним взмахом руки этого бег очутился по пояс в воде. „Держите этого подлого гяура! ! !“ — кричал неистово бег и старался высвободиться из тины, как муха из меда. Войники вскочили, как солдаты, когда бьют в тревогу, и вместо с слугами бега вытащили старика. Турок, освободившись от грязи, бросился потом на Богдана. . . Войники поскорее убрались из этого живописного места, поклявшись друг другу никогда не сказать, куда брошены трупы бега и его сеизов.

7.

После многих дней войники наконец завидели развалины Византии — стены Царьграда. Некоторым пришло в голову, когда 15 000 болгар осаждали этот город. Император Василий, чтобы избавиться от них, устроил вне города фонтан с бьющимся вином; болгаре, чувствуя мучительную жажду по недостатку воды, бросились к фонтанам и напились допьяна: тогда император приказал выколоть им глаза, наводняя таким образом болгарское царство 15 000 нищих. Еще и теперь сохраняются в Цареграде дубины этих злополучных болгар. Ведь зло всегда больше помнится, чем добро, передается от поколений к поколениям и служит часто к непримиримой вражде между народами, связанными одинаковыми интересами.

Вообще войники были грустными при виде бесконечных, но самых жалких жилищ, между которыми возвышались только мрачные мечети с своими высокими минаретами, доходившими почти до небес, до кое-где кипарисы, как зеленые пирамиды. Притом над городом собиралась черная туча, загудел ветер, засверкала молния, раздался потрясающий всю природу гром. Войники спрятались от проливного дождя под стенами, на которых когда-то бойко лазили их прадеды и этим принудили городских византийцев признать их народность и веру.

При виде Цареграда только сердце Богдана билось от радости; он подходил к одному, то к другому войнику, слушал с вниманием их рассказы и расспрашивал, сам не зная о чем: так он был счастлив. И еще сердце узника билось от восторга в эту минуту, слыша через щель своей конурки kloчущее море и сердитое небо. Этот несчастный узник вспомнил свою родину: горы, леса и милую, которая раз, при точно такой погоде, улыбалась, ответив ему на вопрос: отчего радуется, что такая погода облегчает грусть, как слезы у человека после долгих и сильных страданий. Действительно, узник, под влиянием этой бурной погоды, считал себя счастливым: он забылся.

Войники отправились по узким и грязным улицам Цареграда прямо в Галату и поместились на темном дворе сарая „Воевода“. С каждого дома выдавался стеклянный балкон, наподобие клеток в зверинцах, в которых показывались с жадным любопытством или голова с тонкими чертами художавой гречанки, или голова с крупными чертами лица плотной армянки, или через пыльную решетку глядела турчанка, разрисованная наподобие чучела.

Войники, работая на казенных полях с утра до поздней ночи, и не получая ничего больше от казны, кроме ока хлеба в день, истратили свои деньжонки и износили свои платья. По дороге они прошли весело, потому что народ их кормил и поил даром. Они думали, думали, роптали на свою судьбу, потом последовали примеру других таких же дружин. По праздникам и на гулянья пошли играть, плясать, петь и просить милостыни. Всякое воздаяние делилось между всеми поровну. Богдану приходилась чаще эта роль, так как он пел хорошо и

знал много песен. Он ходил по улицам и пел все про своего героя : в его речах исчислялись все подвиги и страдания этого юнака, и вся несправедливость турок. Это занятие сначала радовало Богдана, потом его расстраивало. Товарищи его догадывались, что у него есть какая-то тайная грусть : он терзался, вздыхал часто, но ничего не говорил ; утром уходил несколько веселым, а вечером возвращался грустным и безнадежным. И у Богдана глаза наполнялись слезами и вдруг обливали его бледное лицо, когда он пел, многие это заметили. Он пел по-своему ; многие заслушивались на его чудесный голос, но не все понимали содержание его песен. Останавливались чаще разносчики, всякого рода прислуга, реже купцы и еще реже ученые и слушали его : только они понимали звучную речь Богдана и сочувствовали ему, сами не зная в чем.

В это время, когда Богдан играл и пел около тюремного здания, вот что происходило внутри этой старинной тюрьмы. Что слышу? Звуки. . . звуки кавала", — едва произнес измученный узник, стараясь подняться на ноги, чтобы яснее слышать через щель конуры. . . „Да, это мне знакомые звуки“ — продолжал узник, всем телом дрожа. „И голос! . . “ — вскрикнул узник, разводя руками, как будто ему мешали расслышать хорошо знакомый ему голос. В эту минуту в тесной, как две могилы, конурке большие серые крысы грызли немилосердно на самых ногах узника его кожаные лапти, как обитательницы гаремов грызут кедровые орешки. Несмотря на то, что узник гнал, проклинал своих приятельниц по обителищу, они продолжали еще усреднее свою работу, даже кусались и пищали. Голос и слова Богдана все яснее и сильнее доходили до ушей узника, который был вне себя от восторга. „Неужели же она? Не может быть! Это ее голос! Ах, я несчастный, это она! Нет, это я во сне вижу! Боже, помоги мне видеть дольше этот сон! Нет, это не сон. . . “ сказал он, упавши на землю и нечаянно задевши онду крысу, которая без сожаления укусила его ледяную руку. Несчастному узнику сделалось дурно от слишком большого счастья.

8.

На дворе тюремного здания поднялись отчаянные крики ; одни кричали : воды! — другие : огонь! Зазвенели ключи, заскрипели заржавевшие тяжелые двери, все ближе и ближе к конурке узника, находившегося все еще в бессознании. „Вон! Выходите скорее!“ — кричал во все горло тюремщик. Вот заскрипела жалобно и дверь нашего узника. „Выходи и ты, гуяр! Скорее, собака!“ — сказал тюремщик и толкнул ногой узника, который не двинулся с места. „Как страшно храпит! Издыхай, собака! Услугу делает себе: не будет больше жарен!“ — кончил тюремщик, ослабив свои испорченные зубы, радуясь как дьявол над грешной душой, и бросился бегом вон из тюрьмы, зажимая нос от смрада.

Когда с неизмеримой быстротой чистый воздух и яркий свет огня проникли через отворенные двери в конурку узника, он пришел в себя и вскочил. Сильное и быстрое впечатление часто оживляет самых истощенных. Узник, шатаясь и ударяясь в столбы и цепи, выбрался из тюрьмы на двор и смешался с толпой полунагих пожарных, направлявших трубы к горящему зданию. Пожарные посмотрели с ужасом на узника, всего в лохмотьях, так что видно было его тело насквозь, все в ранах : волосы на голове и бороде огромные, почти длинные, страшные, его черные глаза пронзительно глядели. Горе и муки довели в короткое время этого молодого человека до того, что он весь поседел и похудел, как скелет, так что скорее был похож на смерть, изображаемую на картинках.

Узник, вдыхая в свою спадшуюся грудь чистый воздух и, видя себя на свободе по открытому небу, забыв свое до высшей степени изнурение и стал проходить поспешно улицу, как во время оно горы и пропасти. В эту самую минуту проходил улицу и нищий, чтобы с ворот тюремного здания видеть удобнее пожар. Узнику потемнело перед глазами, он зашатался посреди улицы и, чтобы не упасть в грязь, схватился нечаянно за плечо нищего. Нищий посмотрел с испугом на узника, который только успел произнести сквозь зубы : Божана — и упал навзничь. Нищий притащил бесчувственного узника на другой конец улицы, чтобы его не стоптали лошади проезжавшей роты польских казаков. Когда узник пришел в себя и посмотрел с улыбкой на своего покровителя, дрожавшего всем телом от волнения над ним, опять произнес

это дорогое для его иссохшего сердца слово. Нищий, узнавши черные, искривившиеся глаза своего знакомого, ответил : „Стоян! Я не Божана здесь, а Богдан.“

Пожар давно потух, любопытные зеваки разошлись по домам, уже ночная занавеса спускалась над землей, когда Божана, оправившись после сильного потрясения, тащила под руку хилого Стояна. — Куда? — спрашивала она сама себя. Ничего не оставалось, как только дойти до первой попавшейся ямы и там пока остановиться, — могла она решить в своей туманной голове. Она едва притащила Стояна к путому месту одного сгоревшего дома ; там в одну яму, вырытую собаками, она уложила своего обожателя и покрыла его полустгнившей рогожью.

Стоян скоро заснул таким богатырским сном, каким дети засыпают после теплой ванны. Божана, сидя над изголовьем Стояна, смотрела на луну, которая то скрывалась за серебряными облаками, плавающими по небу, как паруса по морю, то вся показывалась и как бы смотрела на Божану, по лицу которой катились горячие слез. „Боже, боже мой!“ — говорила она и смотрела пристально на луну, как будто все — и счастье, и жизнь Стояна зависели именно от этой луны. „Благодарю тебя, что мои очи опять видели Стояна! Когда он выздоровеет, мы пойдем к святому Ивану Рыльскому и поклонимся тебе. Я куплю твой образ, поставлю в пещеру Радино и буду его обливать каждый праздник моими слезами, я буду работать днем и ночью, чтобы тебе горела всегда лампадка. Если все это я не исполню, пусть мне выскочат глаза, пусть руки мои высохнут до локтей, пусть меня гром поразит ; когда же я умру, пусть меня земля девять раз выбрасывает, в десятый пусть мяня возьмет, но чтобы я никогда не растаяла. . .“

Появились три собаки и, заметив кого-то в своем жилище, подняли такой вой, что Божана поневоле должна была очнуться от своих дум. Она боялась за Стояна, чтобы не проснулся ; она звала ласково своих сердитых хозяев, но они не только не унимались, но пуще лаяли. Только кусок черствого хлеба мог заставить неугомонных посов замолчать и улечься у ног Стояна.

„. . . Ах, сильно жжет этот раз! . . . Божана, промочи холодной водицей мои жгучие раны . . . скорее, скорее ангел мой! Теперь хотите меня дать собакам? Да у них будет мучительная жажда. . .“ — бормотал во сне Стоян, когда собаки лаяли отчаянно по всей улице.

Стояну казалось, что он в тюрьме и жгут его раскаленным железом.

Во все время, пока он был в тюрьме, три раза в неделю приходил к нему тюремщик с тремя еще турками, несшими мангал с горящими углями и двумя раскаленными подковами. Они прикладывали к телу Стояна раскаленное железо и допрашивали его : „Как ты смел, гяур, поднимать голову против падишаха? Аллах и его пророк на небесах, а падишах один на земле. Как ты решился убить правоверного? Гяуры — наши рабы. Пророк ставит тому из нас в заслугу, кто сделает зло гяуру или его убьет! . . .“ Тюремщик и его помощники старались запомнить все то, что Стоян говорил под влиянием алдских мук.

9.

В один месяц любовью Божаны и силой бога, покровительствующего всем скорбящим Стоян совсем поправился, сделался молодцом, а Божана распвела, как майская роза. Они все это время жили в болгарской церкви в Фенере. Стоян лежал в конурке прилежавшей к алтарю церкви, читал по несколько раз в день „Отче наш“ и ждал выздороветь, а Божана играла и пела целый день по городу и собирала милостыни. Они до такой степени желали видеть свою родину, что только об этом говорили и во сне видели знакомые горы и леса ; они желали хоть раз подышать воздухом, налитанным ароматом от лип родного края, потом умереть.

В один осенний день, когда листья деревьев, поблекши, усеивали дороги, когда густой туман олевал всю природу, как саван — мертвого, Стоян и Божана пустились в путь : около полудня они остановились в лесу отдохнуть; сон обоих так одолел, что они не слышали лай собак, которые давно крутились около них. Вдруг выстрел из ружья их разбудил : пуля попала в ногу Божаны, которая вскрикнула от жестокой боли. Три охотника прискакали. Один из них к которому другие находились в дальнем почитании, стал бить своих собак за то, что они

ошиблись. Потом, обратив внимание на нищих, особенно на Божану, которая кричала, как женщина, а была одета мужчиной, нахмурил брови и спросил :

— Кто ты такой?

— Мы... мы нищие, — ответил Стоян за Божану, смотря на нее с состраданием.

— Отчего ты в мужском платье? — опять обратился к Божане охотник, пожимая ее глазами.

— Я... я... — засмеялась Божана и посмотрела умоляющим взором на охотника, с первого раза ее узнавшего. Она только всхлипывала, глядя, как истекала кровью.

— Взять их! — крикнул повелительно охотник, не обращая ни к кому из своей свиты, как будто он приказывал кедром или воронам, во множестве летавшим над ними, почуя пар от свежей крови.

После двух месяцев этот охотник, одетый в пестром халате, доходившим до колен, без носок, в желтых кожаных туфлях, которых едва касалась тончайшая, шелковая, брусской материи рубашка, широкие рукава которой развевались как крылья, — он держал в правой руке предлинную черешневую трубку, едва прикасаясь губами к ее редкому янтарию. Таким образом он проходил длинный ряд зал, уставленных кругом турецкими диванами, покрытыми алым бархатом. Все останавливалось перед ним и падало ниц : и черные, уродливые евнухи, и красивые до безобразия кадыны. Охотник, пришедши в самую крайнюю комнату, в одном ее углу, на возвышении между мягкими подушками уселся, поджавши кривые ноги. В этой неприступной и святой половине гарема сидели во всяких позах на персидских всевозможной пестроты коврах, такой белизны женщины, к которым солнце Востока никогда не дотрагивалось своим палящими лучами. Они, облокотясь у подушек, дремали от скуки, а черные невольники держали над ними зонтики и махали веерами. Когда взмог властелин их сердец, они восторженно, как от грозы, и встали на ноги, а невольницы бросились вон — он только махнул рукой, красавицы нагрянули на него : одни целовали его босые ноги, другие руки, а только одна, самой пленительной красоты, с алмазным солнцем на голове, решилась сесть на колени повелителя и лобызала его рябое лицо. Властелин не только ничего не говорил, но и не двигался : он только думал. Красавицы, заметив его нахмуренное чело, стали кружиться, ударяя в ладони и кривляя во все стороны гибкий, как тростинка стан ; потом первая красавица опять села на колени молчаливого и грустного повелителя, а другие присели перед ним, наклоняя голову так, как бы упрашивая пощады. Тиран, вместо того, чтобы наклонить золотую монету, как обыкновенно, и приложить к лбу красавицы, оставался немым к ее страстным лобызаниям и пламенным взорам. Он наконец вздохнул и крикнул диким голосом, что руки, обвившие шею тирана, задрожали, а пальцы посижели, несмотря на то, что были до середины окрашены в оранжевый цвет : — Позвать Мустафу! — Со всех углов как бы полетели и подушки, и ковры, побежали босоногие невольники искать главного евнуха. — „Приведи мне сюда Фатме!“ — сказал тиран вошедшему черному, как уголь, евнуху. Тиран хмурился и сопел, сгорая нетерпением.

Медленными шагами из дальних комнат шла Фатме и шумела своим длинным, желтого атласа, платьем, разрезанным спереди во всю длину ; под ним выдавались складки алого цвета шаровар, вышитых по краям золотом ; ее голые ноги были обуты в зеленого цвета туфли, все в золоте и жемчуге ; на самых ногах и руках блистали на веревочках кораллы и янтари ; около ее шеи обвивались изумруды и смарагды, а на голове ее, на синем платочке блистало ослепительное алмазное солнце. Она остановилась у дверей, потупя глаза. Остальные красавицы отошли на тирана ; их черные глаза горели злобой и ревностью, глядя на Фатме — красавицу и ставшую владелицу сердца повелителя.

— Ты все так грустна — сказал тиран, понизив несколько голос, как трус умолкает перед глазами противника. — Я для тебя забыл пророка, всех красавиц Востока, я над тобой дрожал, как мать над своим первым ребенком, когда ты лежала больной от раны ; я, владыка полмира, преклоняюсь перед тобой, я готов все сделать для тебя, только ты люби меня — кончил повелитель правверных, проникя глазами остолбеневшую Божану. Она слегка подняла голову и открыла чудные глаза.

— Я твоя, ты мой властелин, — дрожащим голосом произнесла она. — Мне нужны неприступные горы, дремучие леса : а только там счастлива : там живет тот несчастный народ,

который твои слуги режут по кускам, жгут без сожаления ; имущество, честь, святини ни за что не считают. . .

— Я ничего не могу сделать для этого народа — перебил се повелитель. — Если я ему возвращу те права, которые ему оставили мои прадеды — завоеватели, то он немедленно прогонит правоверных из своих плодородных стран. Скорее я тебя брошу на съедение рыбам, но вечно буду держать это московское племя в рабстве — кончил владыка полмира, пылая от гнева.

Злые лица красавиц гарема на минуту прояснились, как день после тумана : они было обрадовались речам султана, потом, зная слабость его характера, сделались еще больше грустными.

— Проси от меня солнце, луну, звезды, но не говори мне о твоём народе. Я готов для тебя заставить моих визирей ползать перед тобой, но буду душить болгар. Ах, не могу глядеть на твои жгучие слезы! Когда удаётся мне видеть твои ангельские, но холодные, как камень, глаза, я дрожу всем телом, как зимой от мороза. Оставь меня, гяурка, ступай! — кончил владыка полмира и направился тяжёлыми шагами к своей половине, не бросив ни одного взгляда на умоляющие взоры красавиц гарема.

10

Только что властитель скрылся в дверях, красавицы разлеглись на мягком полу и стали жевать свою мастику, спрятанную у каждой в кармане. Между ними завязался спор о Божане. Одна говорила, что Божана — редкая красавица и не может быть, чтобы она родилась в Болгарии, а не в Черкезии. Другая уверяла, что Божана совсем не красавица, даже не хороша собой и глупа. Третья (первая красавица, гречанка по происхождению) ответила, что Божана, напротив, очень хитра и поэтому держит себя такой неприступной, чтобы завлечь скорее и сильнее в свои сети падкого уroda. Четвертая (армянка) сказала, что Божана не простая женщина, потому что она не смела бы противиться владыке полмира, а она — волшебница. Все рассмеялись при этом, однакож призадумались. После нескольких минут молчания первая красавица сказала, что, если бы Фатме была волшебница, то ночью, когда евнухи разойдутся, она может улететь через окно в горы и там, превративши весь свой богатый наряд в золото, построить себе дворец и взять несколько красавцев в любовники.

Несмотря на то, что невольницы принесли трубки, кофе и всякого рода сласти, ни одна красавица не дотронулась до них — так их озадачило предположение армянки. Показался наконец и Мустафа, чтобы объявить волю повелителя касательно наступающей ночи. При виде этого уroda все красавицы вскочили с места и осадили его. Одни садились на него верхом и закрывали его огромный, с одного до другого уха рот ; другие, вынувши свои груди, терли их у него и щипали его всюду, и все это сопровождалось самым наивным хохотом. Мустафа, улучив свободную минуту, назвал счастливицу и бросился вон от разъяренных тигриц.

Евнухи и невольницы, скрываясь по углам, подслушивали разговор султана и бредни его жен; потом все передовалось кадыням — знахарькам, а этими — адъютантам и пашам. Рождественницы и жены султана, видевши, что они потеряли свое влияние на султана из-за Божаны и что султан все больше и больше отбирает у них бриллианты и ей посылает, согласились между собой, несмотря на то, что друг друга чертовски ненавидели, погубить Божану. Они старались убедить султана, что Божана не верит в пророка, она изменница, другого любит, что, наконец, волшебница, а вся прислуга доносила своему повелителю, что Божана держит себя скромно, и что она не имеет никакого дела с знахарьками и закладчиками. Евнухи не говорили, что они устраивали за башниш Божане свидание с Стояном, которого султан оставил при дворце садовником, принимая его за брата Божаны. Отжившие красавицы, кадыни, знали весь этот хаос интриг, но они молчали ; они пользовались этими благоприятными обстоятельствами и устраивали судьбы своих любимцев. Когда враги Божаны отчаялись словами избавиться от нее, пустили в ход свои драгоценные вещи, закладывая их у армян, а на вырученное золото доставили жёлчь от какой-то змеи с сотней сердечек, кусочек глаза дракона, ушную серу от людей, обитавших в водах Босфора и серые, как стекло, порошки от стертой, упавшей с

неба звезды. Все это, с молитвами из Корана, примешивалось к пище Божаны, но — увы! — она оставалась невредимой. Не на шутку все обитательницы гарема должны были убедиться, что они имели дело с необыкновенным человеком, явившимся между ними нарочно терзать и мучить их. В одной комнате, выходящей в сад дворца, Божана стояла на колени перед перламутровым крестиком, прикрепленным булавкой к обоям. Она то делала земные поклоны и крестилась, то обтирала свои слезы, как бы нарочно лившиеся целый день. В этой большой комнате, кроме диванов и зеркал, были и цветы, поставленные самим Стояном.

— ... Что мне делать? Как избавиться от этой тюрьмы? — сказала Божана, подошедши к окну. А на том свете что будет? Завернут меня в намазанную дегтем рогожу и зажгут, чтобы я светила слепым собакам — туркам. Я часто хочу броситься из этого окна! ... А когда подумаю что тогда будет с Стояном, какая-то невидимая рука удерживает меня. ...

— Ты опять в слезах — сказал султан, нечаянно вошедши. — Я за одну твою ласку готов звезды снять с неба и украсить ими твою прекрасную голову. Я лишаю красавиц гарема моими ласками для тебя, а ты все по-прежнему холодна. Чтобы тебе угодить, я отнимаю у родных все драгоценное и приношу тебе. Неужели все это ты не видишь? Или хочешь, чтобы я с тобой поступал, как зверь с своей добычей — кончил султан, все больше и больше раздражаясь.

— Вот! ... — вынула Божана из-под подушки ящик с бриллиантами и всунула в руки султану. — Я люблю Стояна, другого любить не могу; я христианка. ... — решительно сказала она и, поцеловавши свой крестик, надела его на шею.

Султан всем этим до такой степени был изумлен, что ничего не отвечал, а только смотрел на Божану. Ему пришло в голову все то, что враги Божаны ему говорили. Он повалил Божану на пол и таскал за косу, оставил ее на минуту и бросился целовать. Она выпрямилась во весь рост, как статуя, и дала султану такой толчек в грудь, что он очутился позади двери и присел. Оправившись, вышел из комнаты и рычал на евнухов, как раненый медведь.

11.

После этого весь дворцовый мир ополчился против Божаны. Султан пил больше, кашлял, наконец слег в постель. Он не хотел видеть Божану; приказал держать в подвале и давать ей только хлеб и воду. Когда потом он пришел в себя, после целой недели забытья, и попросил воды напиться, брат его, боясь, чтобы он не выздоровел, ему всунул в рот золотую пилюлю и подал стакан с шербетом. ... Тогда все были убеждены, кроме наследника престола, что султан сделался жертвой чар Божаны.

Несколько ночей сряду Стоян, не заметив огня у окошек Божаны, заключил, что она вероятно пробралась на улицу незамеченной в суматохе по случаю смерти султана. Он тоже убежал. Долго он искал свою Божану по городу, но можно ли было ее найти?

Раздавались где-нибудь звуки или песни, ему казалось, что она! ... Показывалась ли у балкона хорошенькая царигражданка, он заглядывал на нее, думая, что это она! Волны моря разбивались у берега и пенились — ему казалось, что Божана, брошенная в море, спасается; он рылся к брызгам волн, но все напрасно. Что-нибудь заслоняло ли лучи солнца, когда он проходил, тотчас вздрагивал, думая, что это она! Говорил ли кто-нибудь голосом, похожим на ее голос, он весь превращался в слух, думая, что она! Наконец пустился он в путь с тем чувством, под влиянием которого верующий в бога спокойно покидает наш мир тленный.

Вот вдали возвышается гора, покрытая зеленеющим лесом, на ее голой вершине чернели развалины богатого монастыря; между высокими яворами и дубами извивались дорожки, журчали ручьи и у подошвы горы сливались в реку. Вот там-то сплелся Стоян, думая, что Божана отдыхает в тени и прохладждает горячее лицо горной водой; там только пели соловьи беззаботно, как в раю, да зеленые ящерицы лежали спокойно на развалинах, над которыми вились коршуны.

Идет он дальше. ... Перед его глазами волнуются, как море, бесконечные поля; между раскошными колосьями щебечут жаворонки и пестреют толпы жниц, сопровождая свою работу песнями о былых временах кое-где воздвигаются холмы из стогов. ... Идет он через леса и

роши; раздается какой-то жалобный голос; направился он туда, но голос этот замирал с пением птиц. По проселочной дороге между вербами два буйвола едва тащили арбу, которую сопровождала толпа женщин, одетых в белых платьях и как бы пела грустную песнь. Стояну казалось, что Божана оплакивает его кончину: он бросился, как сумасшедший, туда... Он грустно улыбулся, видевши в арбе черное лицо пастуха, пораженного громом.

Божаны не было ни на развалинах кругом Сливия, по горам, где на месте их когда-то красовались обители, названные царем Асенем Малой Святой Горой. Не любовалась она ни с вершины чудесной горы „Вида мома“ на живописную греческую долину возле Котела, где, во время ово страшная битва решила судьбу болгар. Крум из черепа императора Никифора сделал чашу с драгоценными камнями, и, славя победу над греками, из нее пил вино за здоровье своих храбрых дружин. Не упивалась она ни запахом сильно пахучих роз, растущих на десятки верст около Казанлыка и казавшихся издали морем с островками розового цвета. Не наслаждалась она ни пением естественного колодца в дремучем лесу недалеко от Ловеча. В это время он пел на все голоса и заманивал усталых путников, исключая греческих архиереев и кади. Когда они проезжают, судя по народной молве, это чудное пение пропадало.

12.

„...Солнце ли проникает своими лучами в мое марчное жилище, птица ли, нечаянно застанутая бурей, прячется в этой скале, ветер ли засвистит в пещере: я весь трепещу от восторга, думая, что мой ангел летит ко мне. Мне нет покоя ни днем, ни ночью!... На что мне жизнь теперь, среди этой печальной пустыни?...” — говорил сам с собой нищий, закрывши исхудалое лицо холодными руками и облокотившись у сырой стены пещеры.

Тут поднималась грамадная скала, в которой находилась очень просторная пещера, служившая когда-то народу храмом, но вместе тем и источником всевозможных сказаний и суеверий. Кругом скалы действительно была пустыня, потому что на огромном пространстве не было ни одной живой души, даже птицы редко перелетали, только тянулись полуразрушенные пустые жилища села Радино. Густой лес, находившийся за скалой, исчез, а на его месте оставились груды пепла, поднявшиеся от сильного ветра в эту минуту и накрывавшие всю окрестность, как туман осеню.

Приход людей разбудил нищего от его тяжелых дум, не в первый раз завладевших им с тех пор, как переселился в пещеру.

— Добр вечер! — раздалось вдруг над глововой нищего.

— Дал ти господ добро! — ответил нищий, вскочивши на ноги, как испуганная лань.

— Ах, да это Стоян! — вскрикнули пришедшие, бросившись обнимать нищего.

— Да что ты! Что с тобой! — Мы твои товарищи. . . — Разве ты забыл, когда мы с тобой отняли у турок добро наших селян? — Пойди сюда! Дай посмотреть на тебя.

Нищий спрятался в глубине пещеры и ничего не отвечал. Его только глаза искрились, как ночью у волка.

У его товарищей были пистолеты и ятаганы за кожаным поясом, а на плечах на ремне висели ружья. Их измятое, грязное и грубое платье, большие усы, наглые глаза, гордая осанка, загорелые лица говорили ясно, как день, что эти люди жили по горам и лесам и им кровь врага липочем.

— Когда его послали в Царьград, вскоре за ним исчезла и дочь кмета Продана из села Гозницы. Не Божна ли теперь с ним? — спросил один из товарищей.

— Что такое? Что ты сказал? — вскрикнул Стоян, бросившись к тому, кто вспомнил имя ему дорогое и схватил его крепко за руку.

— Полно дичиться нас — обратились к Стояну товарищи. — Мы уже несколько лет следуем твоему совету. Ущелья нам служат отдыхом, а головы турок. . . наслаждением. Мы не пропускаем ни одного случая, чтобы не испачкать руки в крови закошенного нам врага. . . — Неужели ни муки в тюрьме превратили тебя из молодца в хилого, из юнака — в пугливого зайца? — спросил воевода этой гайдуцкой дружины. — Где ты был до сих пор? Что с тобой делалось? Расскажи скорее — продолжал говорить Ангел и глядел пристально на исхудалое лицо Стояна.

— Не спрашивай меня этого — произнес Стоян из глубины сердца так, что товарищам стало его жалко. — Скажите вы — где делись радичане? Не земля же их проглотила, если жилища торчат еще на ней?

— Явились войска зимой — был ответ, — обсадили село, потом одну ночь ворвались в него, грабили, убивали, а оставшихся живых переселили куда-то далеко за Старую планину.

— Разве вы противились? — спросил Стоян.

— Нет, потому что было много войск. И так и так нас окончательно разорили, по крайней мере, следовало бы нам драться, как я тогда гворил, — кончил Ангел и от досады плюнул.

— Разумеется — честнее пасть в борьбе с врагом, чем подвергаться его бесчеству и потом с голоду умирать, — сказал с гордостью Стоян.

— Вот так, так! — Теперь мы узнали нашего товарища! — вскрикнули в один голос все, обнимая Стояна.

И Стоян, и гайдуки были уверены, что эта темная как ночь пещера, в которой они теперь так долго разговаривали, доходила до Дуная, поэтому, зажегши огонь, пошли осматривать ее. Первый попавшийся предмет изумил этих закаленных в бою людей: кости и мумии, сундуки-совсем сгнившие, позеленевшая посуда, образа и пожелтевшие, огромные книги валялись на каждом шагу; немного дальше — статуи, между которыми одна в рост человека, представляла молодую женщину с плюшевым венком на голове и эмееобразной палкой в правой руке; потом опять кости и так много, что не было возможности пройти дальше. . .

Когда болгарское царство пало, несмотря на то, что были заключены капитуляции, турки целыми шайками, как голодные волки, скитались по побежденной стране, грабили и все живое предавали огню и мечу. Поэтому молодые болгаре с оружием в руках удалились в горы и там укрепились так, что птичка не могла перелететь через Балканы, как гласят народные песни, а старцы, жены и дети прятались по подземным скривалищам. Таким образом и эта пещера была наполнена народом из девяти сел.

Товарищи уговаривали Стояна перестать грустить и уверяли его, что если он один день подышит горным воздухом и отрежет сам голову турка, поправится вдруг, как больной после гяжелой болезни. Стоян все-так ждал Божану с каждым восходом солнца, каждый час, каждую минуту — Божану? Но . . . этот живой скелет заключен еще в подвале во дворце султана.

От ее прежней красоты остались только кости да кожа, но зато, в некогда ее ангельских глазах, как выражался владыка полмира, теперь горит злобой такой огонь, который, если раз вырвется на свободу, пожирает и дворцы, и их счастливых обитателей.

КОНЕЦ

Константинополь
1 августа 1869 г.

Вольф фон Фюрет